

СВЕТЛАНА
АЛЕШИНА

НОВАЯ
КНИГА

Барышня- воровка

Серия «Театр одной актрисы»

Светлана Алешина
Барышня-воровка (сборник)
Серия «Театр одной актрисы»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5960960

Алешина С. В. Барышня-воровка. Госпожа на побегушках: Повести.

Эксмо; Москва; 2005

ISBN 5-699-09893-3

Аннотация

Потомственного дворянина Владимира Светлинского несправедливо обвиняют в убийстве собственной жены. Безработная актриса Софья Невзорова берется спасти его от тюрьмы. Подозреваемых – целый список. Как же добиться от них правды? А что, если попробовать чудо покаяния? Софья является к одной из подозреваемых, Надежде Верящей, ночью в костюме ангела. И ничего, что чепчик с дыркой предательски сползает на лоб да и пыльные крылышки болтаются на честном слове. Зато пушистые тапочки сверкают девственной белизной и голос в ночи звучит убедительно глухо. И вот уже дитя порока, дрожа от страха и благоговения, истово кается во всех мыслимых грехах. А Софье только того и надо... Но блудница оказывается невиновной, и расследование продолжается...

Содержание

Барышня-воровка	4
Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	28
Глава 3	52
Глава 4	79
Глава 5	102
Глава 6	128
Глава 7	150
Конец ознакомительного фрагмента.	153

Светлана Алешина

Барышня- воровка (сборник)

Барышня-воровка

Пролог

Лунная дорожка пролегла через Волгу, внезапно обрывалась где-то у противоположного берега. Слева скелетом динозавра мрачно возвышался мост, соединяющий Тарасов и Покровск.

«Мост в никуда...» – тоскливо-философски подумал Владимир Светлинский, и ему страшно захотелось выпить. Хотя бы портвейна, как в старые добрые времена, когда он еще числился студентом театрального училища. «Нет! – тут же отрезал Владимир. – Никакого алкоголя! Если бы тогда... Не буду больше пить! Попробую начать новую жизнь...»

Да, сегодня он был трезв, впервые с тех пор, как его выпустили из милиции под подписку о невыезде. Ну, почти трезв. По телу еще периодически прокатывала похмельная волна. Крайне неприятное ощущение!

«Набережная... Сколько здесь было хорошего! – на Владимира накатила ностальгия. – Ну, не только, конечно, случилось и по морде получать, но все это – такие пустяки! Теперь-то уж ничего не вернуть».

Мысли потомка дворян возникали и переплетались самым хаотическим и нелепым образом. Владимиру вдруг страшно захотелось, чтобы время повернулось вспять. Он даже готов был сейчас получить от кого-нибудь по морде, если бы это помогло вернуться в прошлое. Но чудес, как говорится, не бывает.

Внезапно Светлинским овладело отчаянное раскаяние. Как он старался доказать себе, что ни в чем не виноват, что на все воля божья и что вообще мысли его по большому счету – похмельный бред! Но подсознание в упор не хотело принимать, казалось, веские, логически обоснованные доводы.

«Это судьба! – в отчаянии подумал Владимир. – Всю жизнь посвятил тому, что играл в театре трагедии, и в конце концов сам стал невольным участником одной из них, только в действительности». «Вся наша жизнь – театр, и все мы в нем актеры», – неожиданно вспомнилась цитата классика. Каким же несправедливым показалось в ту секунду Владимиру мироздание! Ему захотелось уйти из жизни! «Брошу театр», – твердо решил Светлинский. Из жизни он уходить, конечно, не стал, так как все же оставался вполне здраво-мыслящим человеком. Помогали, наверное, и визиты к психиатру, которого он посещал последние дни.

«Эх, знал бы я, кто написал эту проклятую пьесу, которая называется «Моя жизнь»!» – в гневе сжал кулаки Светлинский и обратил взор к небесам. Однако тут же к нему пришло осознание, что господь бог – всего лишь директор театра, а конкретные пьесы ставит режиссер-постановщик, коим является сам человек. Странно, но в тот момент, когда Владимир перестал испытывать раскаяние по поводу того, что отменял встречу с одноклассниками в неподходящий момент в неподходящем месте, и слишком бурно, подсознание его успокоилось. Он уверенно зашагал прочь с набережной, размышляя о том, насколько свежей будет его голова наутро, когда он явится в театр за расчетом.

Глава 1

Софья Невзорова медитировала, но никак не могла сосредоточиться. Она занималась медитацией, чтобы хоть немного отвлечься от мирской суеты. Восточные благовония распространяли расслабляющий аромат. Соне вспомнилось, что в Китае в состав палочек для медитации входит, помимо всего прочего, опиум. «Какая пошлость! – возмутилась про себя Сонечка. – Вспоминать сейчас о проблеме борьбы с наркотиками!»

Соне удалось-таки сосредоточиться на собственном Атмане. На этот раз она решила остановиться на медитации Смысла, которая в первой своей фазе, помимо всего прочего, предполагает интенсивную работу разума. Быть может, на этот раз ей удастся постичь Смысл? «А что это такое вообще? – спросила себя Соня. – Вот что имеет смысл для меня? Устроиться в театр, и чтобы меня непременно взяли на достойную роль. Но имеет ли это смысл, скажем, для соседа двумя этажами ниже, дяди Васи? Скорее, для него больше важен червонец, на который в ближайшем киоске можно приобрести чекушку спирта. Или вот для меня имеет смысл приворожить Олега Рыбака. А для моей бывшей коллеги по работе в театре, Люды Жульской? Рыбак ей никогда не нравился. Она его всегда презрительно называла «мусором», чем вызывала у меня страшную обиду. Поэтому я не любила

ее. А Володя Крадов, тоже актер, очень даже любил Люду. Так имеет ли тогда смысл любить Люду или не любить?»

Древние индийцы говорили, что не имеет, так как все это – Сансара. Но они стремились достичь Нирваны, а раз стремились, значит, видели в этом смысл. Тогда для того, чтобы достичь Нирваны, есть смысл понять, что в дилемме «любить Люду или не любить» нет никакого смысла. Однако постигаем мы это через ту же дилемму. То есть в Сансаре есть смысл!

«Значит, смысл есть во всем, и когда я это пойму, то познаю Нирвану!» – продолжала размышлять Соня, вдыхая таинственный запах, исходящий от дымящейся палочки.

Ей вспомнились слова из песни Бориса Гребенщикова: «А если поймешь, что Сансара – Нирвана, то всяка печаль пройдет!» В этот миг Соня наконец постигла давно вызубренную истину, что Атман, то есть чувство собственного «я», у нее ничем не отличается от Атмана всех живых, да и неживых существ в мире, включая сам Абсолют, и это единственное, что вечно и постоянно, а все остальное – преходяще и изменчиво и потому бессмысленно.

И тут до ее уха донесся скрип, смысла в котором актрисе отыскать не удалось. «Сансара!» – с грустью подумала Соня и открыла глаза. Ароматическая палочка почти истлела. Дверь в обитель медитации была приоткрыта. В комнату въезжала на инвалидном кресле мама. Со стороны гостиной доносился режущий уши, никак не сочетающийся с Путем

Просветления звук. Отчаянно трезвонил телефон.

– Наверное, тебя, Сонечка! – ласково сказала Маргарита Ярополковна.

– Иду, мама, иду, – грустно вздохнула Софья, которая уже полностью осознала, в чем смысл того, что произошло. Если бы не телефон, быть может, ей удалось бы на этот раз достичь Нирваны.

Софья сняла трубку.

– Алло!

– Сонька, Сонечка, как давно с тобой не разговаривала! – затараторил прямо в ухо женский голос. – Ты не представляешь, сколько всего произошло с тех пор, как мы виделись в последний раз! Представляешь?

– Нет, не представляю, – ответила Софья, мучительно размышляя, с кем ей выпала честь общаться впервые за долгое-долгое время.

– Моя собачка наконец получила медаль! – радостно сообщила собеседница.

– Счастлива за твою собачку. Извини, но я никак не соображу, с кем я разговариваю?

– Да Люда это, Люда!

– Какая Люда?

– Люда Жульская.

– Ой, а я о тебе как раз только что вспоминала!

– Что, правда? То-то я смотрю, икота на меня напала! Есть, значит, какое-то зерно истины в народных приметах?

– Быть может. Честно говоря, я ожидала звонка от кого угодно, но никак уж не от тебя.

– Как поживает Рыбак?

«Интересно, а его икота миновала или нет?» – мелькнуло в голове у Сони. Вслух же она сказала:

– Давно его не видела. Так что свежими новостями не могу похвастаться...

– Ладно, черт с ним! – У Сони от этих слов все застыло внутри. – Я тебе, на самом-то деле, не просто так звоню. Хочу сообщить кое-что важное!

– Да-а?

– Точно! У нас тут в театре, похоже, вакантное место нарисовалось. Если хочешь, ты можешь...

Сердце Сони на мгновение остановилось. Воображение живо нарисовало картинку. Левая рука Софьи клонится к сцене от тяжести несметного количества цветов. Правая продолжает принимать букеты от нескончаемой вереницы поклонников. И все это под оглушительный грохот аплодисментов.

– ...Если не одумается, то сопьется, – заключила Люда.

– Кто сопьется?

– Как «кто»? Светлинский, конечно!

– Какой Светлинский?

– Да ты вообще слушаешь меня или нет?!

– Извини, я на секунду призадумалась.

– Светлинский Владимир. Актер, который увольняется,

место которого ты можешь занять.

«Уж от кого-кого, а от Люды я помощи никак не ожидала, – думала Соня. – Никак чудеса просветления?»

– А этот Светлинский, он что, из-за запоя увольняется?

– Да нет, что ты! Горе у него. Да черт бы с ним! Ты лучше подъезжай, я тебе лично обо всем расскажу.

– Когда?

– Чем быстрее, тем лучше.

– Ясно. Ну тогда – до встречи!

– Пока.

Соня повесила трубку и хлопнула в ладоши от радости. Неужто все-таки сбывается ее давнишняя мечта вернуться в театр? Неужели снова ей предстоит появиться на сцене в одеянии какой-нибудь прекрасной матроны времен гладиаторов или же в образе... скажем, восточной царицы... Да кем угодно! Все! Больше раздумывать Софья Невзорова не стала. Она спешила в свою комнату. Одеваться и напрямиком – в театр!

* * *

В фойе Соня увидела какое-то противоестественное столпотворение. Люди сустились, сновали, о чем-то переговаривались. Девушка озиралась по сторонам, надеясь разглядеть в толпе Люду, и ничего не могла понять. Но тут, наконец-то, появилась Люда.

Если бы Соня не знала совершенно точно, что Жульская – актриса, она наверняка приняла бы ее за представительницу другой, самой древней профессии и решила бы, что место работы ее на улице Большая Казачья. Однако, к счастью, Люда была всего лишь актрисой. Впрочем, это тоже достаточно древняя профессия.

Описать Жульскую очень легко: крашеная блондинка. Косметика на лице напоминает грим клоуна. Бюст – как у Верки Сердючки. Ниже – шестьдесят на девяносто. Одним словом, все путем.

– Сонечка! Сонечка! – завизжала Люда и бросилась обнимать бывшую коллегу. – Слава богу, ты пришла!

– Почему это вдруг «слава богу»?

– Театр пропадает без тебя! Ты даже не подозреваешь, какую роль тебе собираются предложить!

– Какую же?

– Роль в шекспировской трагедии «Ромео и Джульетта»!!!

«Наверное, роль какой-нибудь служанки третьего порядка, – с грустью подумала Софья. – Откажусь». Но Люда опровергла ее догадки.

– Самую главную роль! – сообщила она. – Главное быть просто не может! Ты понимаешь, о чем я? – последние слова были произнесены таинственно-вкрадчивым тоном. При этом Люда заглянула Соне в глаза с видом сатаны-обольстителя.

– А директор театра знает обо мне?

– Конечно, о тебе все знают, и все тебя ждут не дождутся!

Соня оглянулась на мельтешащих вокруг людей. «Уж не меня ли они ждут?» – иронично усмехнулась она.

– А что это тут за вавилонское столпотворение? – спросила она вслух.

– Как, а ты не помнишь? Сегодня же день зарплаты!

– Ах, ну да, – удивляясь разочарованию в собственном голосе, протянула Соня. – Совсем запамятовала.

Но Люда уже тянула ее за руку.

– Пойдем! Пойдем! К Виктору Андреевичу!

– У вас новый директор?

– Точно! И он, наверное, уже все пальцы себе переломал...

– Ты это о чем? – удивилась и даже немного испугалась Соня.

– Ну, Виктор Андреевич очень нетерпеливый. И когда он кого-нибудь ждет, то имеет нехорошую привычку заламывать пальцы. Пойдем!

Люда еще раз дернула Соню за руку.

Виктор Андреевич восседал в своем кресле с безмятежностью Будды и действительно ломал пальцы. Во всяком случае, было очень похоже на то.

– Здравствуйте, Виктор Андреевич! – отрапортовала Люда. – Вот она перед вами, Софья Карловна Невзорова!

Директор вскочил с кресла и сложил ладони на манер йога. Было, было в нем что-то такое... Дух Гималаев! Может

быть, в прошлой жизни он и правда был каким-нибудь ламой, духовным учителем, а потом наработал чудовищную карму и перевоплотился вот в такого нелепого персонажа.

– Софья Невзорова! – театрально произнес он. – Я столько слышал о вас!

Макушку Виктора Андреевича украшала обширная лысина. Остатки волос были седыми.

– Правда? – иронично отозвалась Соня.

– Чистейшая! И если вы откажетесь от роли, которую я мечтаю вам предложить, то нанесете мне такой тяжкий удар по сердцу, что едва ли я сумею оправиться, – директор закатил глаза.

Софья улыбнулась.

– Что же это за роль? Я, конечно, догадываюсь, но неплохо было бы уточнить.

– Главная роль в шекспировской трагедии «Ромео и Джульетта».

– Так, значит, вы имеете в виду роль Джульетты?

– Главное!

– Не представляю, какая роль в этой трагедии может быть главнее роли Джульетты. – Соня насупила брови.

– Как? А роль Ромео?

– Что-о-о?!

Соня не поверила своим ушам и даже незаметно ущипнула себя, дабы убедиться, что это не сон.

– Да, да, да, моя дорогая! Я предлагаю вам сыграть Ромео!

– Но я ведь женщина!

– Ничего страшного! Загриммируем вас под юношу. Воло-сы соберем в хвост, облачим в мужской костюм...

– Но все равно это будет выглядеть как-то нелепо... У меня черты лица женские!

– Это чепуха! – уверенно заявил Виктор Андреевич. – Есть такая наука – физиогномика. Черты лица отражают внутреннее состояние человека. И наоборот, соответственно, внутреннее состояние человека отражается на чертах его лица. А вы ведь актриса! Вы должны уметь перевоплощаться, а значит, изменять свое внутреннее состояние. Подбородок вперед, зубы стиснуть, брови к переносице – вылитый волевой молодой мужчина.

Соне показалось, что над ней издеваются или пытаются оскорбить.

– В крайнем случае можно приклеить вам над губой усы, – добавил Виктор Андреевич.

– Но у меня голос женский! Высокий! Вы слышите?

– Слышу. У вас прекрасный, восхитительный, непередаваемо звонкий голос. Но вы ведь можете говорить чуть грубее, чем обычно! И к тому же вспомните сюжет! Ромео совсем юнец! Подросток! Вы когда-нибудь видели подростка с низким голосом?

– А вы когда-нибудь видели подростка с высоким голосом, у которого успели отрасти усы? – съязвила Соня.

– Нет, – признался директор. – Ладно. Усов не будет.

Софья уже твердо решила, что не будет ничего, так как это авантюрное предложение она принимать не собирается.

– Знаете, меня ваши условия не устраивают!

– Сонечка! – внезапно Виктор Андреевич театрально упал на колени и протянул к актрисе руки. Соня, не ожидая такого выплеска чувств, чуть было даже не изменила своего решения. – Вы убиваете меня! Мы готовились к этому спектаклю больше полугода! Мы уже несколько раз объявляли о премьере, но она так до сих пор и не состоялась. А все потому, что актер, который должен играть Ромео, отказался с нами сотрудничать по причинам личного характера. Но узнали мы об этом только сегодня. Поймите, Сонечка! Премьеру надо делать срочно! Где я еще буду искать более или менее подходящую замену, вроде вас? И это при условии, что отрепетировать роль требуется в чрезвычайно короткий срок!

Софья Невзорова почувствовала, как внутри все вскипает. «Более или менее подходящую замену»? Да как они смеют говорить о ней «более или менее»?! Она настоящая актриса, пусть и не прима, но и не какая-нибудь там заштатная! А ей пытаются впихнуть роль, которую надо отрепетировать абы как, лишь бы была проставлена галочка, только потому, что внезапно стало известно, что прежний актер уволился! К тому же роль совсем ей не подходящую!

– Нет! – пафосно воскликнула Соня, и ответ ее прозвучал гневно и грозно, низким голосом, почти как у Ромео.

– Сонечка!!! – завизжал Виктор Андреевич.

Софья развернулась как бравый солдат и зашагала к двери, твердо чеканя шаг.

– Ты спятила! – недоуменно-раздосадованно закричала Люда, но актриса уже покидала кабинет директора театра.

В вестибюле Соня немного поостыла. Она подумала, что некрасиво поступила с подругой, особенно учитывая тот факт, что ее Атман и Атман Сони – одно и то же. А посему Софья решила подождать Люду, пока та покончит с разъяснениями директору причин произошедшего конфуза, дабы признаться подруге в братской любви, объединяющей все живые существа во Вселенной. Софья присела на один из расставленных вдоль стены стульчиков.

И тут внимание ее привлек статный молодой человек, сидевший рядом и читавший газету. Высокий широкоплечий блондин с арийской формой черепа и щетиной викинга. Глаза цвета моря были словно подведены вокруг косметической тенью. Потрескавшиеся губы. Вокруг витал назойливый запах перегара. Все это позволило Соне дедуктивным методом прийти к выводу, что мужчина находится в состоянии хронического запоя.

– Да, у меня запой! – словно прочел ее мысли блондин.

– Я совсем не то подумала, – смутилась Соня.

– Ах, так вы, наверное, подумали: как прекрасно ты выглядишь, парень! – съязвил странный молодой человек.

– О нет, мне просто показалось, что вы несколько не вписываетесь в этот интерьер... – начала было оправдываться

Соня и осеклась, осознав, что сморозила глупость.

– Я не вписываюсь?! – вскипел блондин. – Да если хотите знать, я тут четыре года проработал!

– Кем?

Почему-то Соне подумалось, что сейчас мужчина назовет профессию уборщика или плотника.

– Актером!!!

– О-о! Везет вам.

– Уже нет. Сегодня я уволился.

– Так вы тот самый актер, который должен был сыграть Ромео?

– Именно! Владимир Светлинский.

– Красивая фамилия.

– Досталась от дворянских предков.

– У меня в родословной тоже что-то такое имеется, – сказала Соня и протянула Светлинскому руку. – Софья Невзорова.

– Очень приятно.

– А почему вы решили уволиться? Зарплата маленькая?

– Если бы! Я искупаю свою вину перед богом.

– Вину перед богом?

– Да. Я женился не по любви, и бог меня наказал.

– Каким образом?

– Мою жену убили.

– Какой ужас!

– Это как посмотреть. Знали бы вы, какой ужас был жить

с ней!

– Она была такая злая?

– Злая и страшная. Как атомная война.

– А вы уверены, что это именно божья кара?

– Да. Потому что милиция подозревает меня. Они шьют мне дело. И если я не докажу обратное... К тому же они заставили меня действительно испытывать чувство вины, хотя я ни в чем, собственно говоря, не виноват. Ну не уследил немного... Так что, я должен был за этой бегемотихой всюду носиться, исполняя роль ее тени?

– Но вы на свободе, – заметила Соня.

– Только потому, что у меня есть алиби.

Соне вдруг стало необычайно интересно. В ней вновь проснулась та часть ее существа, которая любила поиграть в частных детективов.

– А вы не расскажете поподробнее свою историю? – спросила она у своего нового знакомого.

Светлинский сложил газету.

– Расскажу. Почему же нет? Может, вы сумеете дать мне дельный совет?

Соня ничего не ответила, но глаза ее ясно выражали, что она – вся внимание.

– Да, собственно говоря, рассказывать-то и нечего, – махнул рукой Владимир. – Пригласили меня на встречу однокашников. Напился я там. Пришел домой под утро, со своим другом Анатолием. А жена дверь изнутри на засов заперла,

как обычно. Бойтся она одна спать. Мы стучимся, оба пьянющие, а она не открывает. Ну, мы, недолго думая, дверь и взломали. Проходим в квартиру, а женушка в постели валяется. Я над ней измываться начал, называть непристойными словами, предъявлять претензии к ее негуманному отношению к свободному творческому человеку. Понимаете, когда я пьяный, я смелый...

Светлинский призадумался.

– А жена что на это? – не выдержав, задала вопрос Соня.

– В том-то и дело, ничего. Никак не реагировала. Я ее тормошить начал, а она словно делает вид, что умерла. Она на самом деле умерла, но я тогда думал, что только делает вид. Я ведь пьяный был. Тогда Анатолий посоветовал по-другому пробудить ее к жизни. Он ведь тоже нетрезвый был. Он порекомендовал мне поцеловать ее в засос, а когда она расstroгается и пошевелится, обматерить. Я ведь не знал тогда, что она умерла!

– Все ясно. Продолжайте.

– Ну, я и попытался это сделать. Смотрю, а губы-то – закоченевшие! Смотрю на шею, а там полоса синяя, и все тело тоже, неестественного какого-то цвета. Вот тогда у меня шок и случился. С тех пор психиатра посещаю. А жену мою задушили. Модным бюстгальтером, который она незадолго до смерти себе купила. Даже ни разу надеть не успела. Жалко было. Вот он все у кровати и лежал. Наверное, первое, что убийце под руку попало.

Софья покачала головой.

– Какой кошмар!

– Это еще только начало. С тех пор, как мой дом впервые посетили работники правоохранительных органов, сплошным кошмаром стала вся моя жизнь.

– Вас сразу взяли?

– Ну как сразу? Мы сначала милицию вызвали, они приехали, сказали, что, мол, все ясно, ну и забрали нас.

Софья поморщилась.

– Понятно.

– Но знаете, был один таинственный момент во всем этом деле, – продолжал Светлинский.

Соня с любопытством вскинула брови.

– Как преступник мог покинуть квартиру на девятом этаже, если дверь была изнутри заперта на засов?

– А окно? Окно было открыто?

– Только форточка. Мы летом форточку всегда открытой оставляем. Только рамы с сеткой от комаров изнутри вставляем. Теоретически, конечно, можно раму внутрь продавить, в квартиру проникнуть, преступление совершить, а потом каким-нибудь необыкновенным образом, уходя, обратно вставить. Да только попробуйте все это проверить на высоте девятого этажа! Да вы к этой форточке и не подберетесь! Вы бы видели стену в том месте! Выступы есть, но такие узкие, что человек за них не зацепится! Вот это все, кстати, нам в милиции и предъявили. На том, собственно

говоря, обвинение и строится. Потому с нас и не снимают подозрение, несмотря на алиби. Говорят, дело, конечно, запутанное в любом случае, но проще разгадать тайну нашего алиби, чем тайну мистического проникновения преступника в квартиру. Тем более у меня были мотивы.

– А какое у вас двоих было алиби?

– Дело в том, что, пока мы с Анатолием сидели в кутузке, как подозреваемые номер один, медики провели экспертизу и вычислили, что жена моя была мертва задолго до того, как мы явились в квартиру. Смерть наступила еще до полуночи, а мы с Анатолием тогда находились на встрече однокашников. И тому есть множество свидетелей. Там мы были с восьмью часов вечера и никуда более, чем на пять минут по нужде, не отлучались. Это также многие могут подтвердить. А в половине девятого мою жену видела соседка. Они поругались. Она случайно задела соседку... э... формами, а та назвала ее толстозадой курицей. Жenuшка не осталась в долгу и назвала ее курицей, только ошипанной. Таким образом, мнения разошлись, и возникла ссора.

– И поэтому вас с Анатолием отпустили.

– Отпустили, – усмехнулся Владимир. – Под подписку о невыезде.

– А самоубийством это не могло оказаться?

– Какое там самоубийство! На теле обнаружены следы насилия, синяки.

– Но все же вас отпустили. И то хорошо.

– Знали бы вы, что творилось в милиции!

– А что там было?

– Там был такой маленький толстенький следователь с жидкими усиками, похожий на хомяка. У него была очень необычная фамилия. Цереберов. Он постоянно ходил вокруг меня кругами, заглядывал в глаза и вопрошал таким гнусным блеющим голосом: «Почему жену с собой бухать не взял? Оч-чень подозрительно!» Я даже засек время. Эта фраза повторялась с периодичностью в пять минут.

– Действительно странно.

– Представляете, мало мне того психологического шока, когда я обнаружил, что жена мертва, так он еще в нагрузку сумел внушить мне, что я действительно поступил плохо, когда не взял жену с собой бухать.

– А почему вы ее не взяли?

– Да потому что она там на хрен не нужна!

– Ах да, вы говорили, что женились не по любви. Она что, достаточно богата?

– Да не в том дело. Просто моя жена...

– Погодите, – прервала я. – Вы ни разу не назвали ее по имени.

– Ее звали Нина. Мне приходилось звать ее Нинусик. Она меня заставляла так себя называть.

– Давайте же так и будем называть ее впредь. Я имею в виду, по имени, Ниной. А то все жена да жена.

– Так вот. У нас тогда был свой любительский театр, мы

все хотели получить известность. А Нина как раз работала в крупном рекламном агентстве. Она могла помочь нам обрести популярность. И я решил сделать «ход конем», жениться на этой жирной стерве.

– Я вижу, вы совсем не любили ее.

– Не то слово! Прости меня, господи! – Светлинский набожно перекрестился. – Царствие ей небесное!

– Продолжайте.

– Короче, театр наш вскоре развалился, но некоторую известность мы приобрести успели. Самое главное, что Нинусик так и не провернула ни одной рекламной акции, пока я не взял на себя брачные обязательства. И тогда она связала меня по рукам и ногам. Договор был составлен столь хитрым образом, что подавать на развод вышло бы себе дороже. Но это всё юридические тонкости, и я думаю, не стоит в них вдаваться.

– Однако все эти обстоятельства наверняка позволяют милиции по-прежнему считать вас подозреваемым номер один. Они наверняка ведь уже в курсе ваших не слишком романтических отношений с Ниной?

– В том-то вся и беда! Об этом знают все, и до милиции эта информация дошла очень быстро. Мне крышка!

– Почему?

– Цереберов обязательно что-нибудь придумает! Знаете, что он мне заявил?

Софья промолчала, потому что не знала.

– Он сказал: «Преступление есть не только деяние, но и недеяние. Почему жену с собой бухать не взял? Оч-чень подозрительно!» Только чудо может меня спасти!

– Какого именно чуда вы ждете?

– Да ничего я не жду. Чудес не бывает! Я в этом не раз на личном опыте убедился. В детстве я мечтал подстеречь Деда Мороза, когда он под елкой подарки оставляет, и заказать ему на следующий год ровно один миллион рублей. С Дедом Морозом так и не встретился. Потом мечтал, чтобы меня захватили в плен ради эксперимента инопланетяне и наградили способностью творить материю из пустоты силой одного только желания. Так ни разу в своей жизни НЛЮ я и не видел. Когда женился, мечтал об ангеле-хранителе, который избавил бы меня от Нинусика. В конце концов, правда, последняя мечта исполнилась. Но ангел-хранитель ко мне так и не явился. Вместо этого в моей жизни появился черт-обвинитель с оч-чень необычной фамилией Цереберов. Эх-эх-эх... Ангелы-хранители...

Внезапно Софьей Невзоровой овладело жесткое желание взять на себя роль ангела-хранителя и помочь этому человеку. А потому она сказала:

– Считайте, что ангел-хранитель уже с вами! Вы просто еще этого не заметили!

– Где? – гаркнул Владимир и принялся озираться по сторонам, выпучив глаза.

– Здесь. Я имею некоторую практику частного детектива

и готова распутать этот клубок от начала до конца.

Глаза Владимира вытаращились еще больше.

– Не может быть!

– Может!

– Но это, наверное, безумно дорого!

– Да нет. Мне просто интересно. Разумеется, расходы на расследование вам оплатить придется, но так... Конечно же, если в случае успешного завершения дела вы пожертвуете мне маленькое вознаграждение, я не буду против. Но повторяю, все это не обязательно. Я готова сыграть роль вашего ангела-хранителя.

– Силы небесные! – воздел руки к потолку Светлинский. Потом он задал конкретный вопрос: – Когда вы думаете приступить к расследованию?

– Прямо сегодня.

В этот момент появилась Люда.

– Соня! Я тебя обыскала!

Софья вспомнила о братской любви и Атмане и сказала бывшей коллеге:

– Ты извини меня, что так все получилось...

– Я поговорила с Виктором Андреевичем. Он готов тебя простить!

– Люда, я уже нашла работу.

– Ты разговаривала с директором, пока я бегала в бухгалтерию?

– Нет. Я нашла работу в другом месте.

– Как в другом месте? В другом театре, хочешь сказать? Софья слегка улыбнулась.

– Можно сказать и так. Я буду сотрудничать с этим человеком, – она кивнула на Светлинского.

– Он тоже ушел в другой театр?

– Можно сказать и так, – загадочно повторил Сонины слова Владимир.

– Ничего не понимаю! Ничего не понимаю! – затрещала, словно сорока, Люда. – Сонечка, объяснишь ты мне наконец, что тут происходит?

Светлинский посмотрел на часы, нахмурился и поднялся.

– Все. Перерыв в отделе кадров закончился, – сказал он. – Пойду заберу бумаги. Софья, вы подождете меня?

– Конечно.

Когда он ушел, Люда набросилась на подругу с утроенным рвением.

– Так ты расскажешь или нет? – не унималась она.

Соня не знала, как избавиться от назойливой Жульской.

– Мы с Владимиром решили основать клуб любителей медитации, – наконец сказала она.

– Медитации? – встрепелась Люда. – Это, наверное, что-то чрезвычайно выгодное в коммерческом плане?

– И не только.

Далее, пока не пришел Светлинский, Соня подробно изложила Люде все тонкости познания мирового Атмана, о которых она думала утром.

Глава 2

Светлинский пригласил Софью осмотреть квартиру, точнее, место преступления. Оказавшись перед девятиэтажкой, годов восьмидесятых, Соня первым делом спросила клиента:

– А где ваши окна? Я хочу осмотреть подступы к ним.

– В окнах проку нет. На момент убийства все они были заперты изнутри на шпингалет. Надо обладать по крайней мере способностями привидения, дабы, уходя, привести все в прежнее состояние, – Владимир почесал затылок. – Но в этом случае окна и вовсе не нужны... Можно зайти и через дверь.

– Давайте забудем о привидениях, – предложила Соня. – Между прочим, я просто хотела посмотреть, как можно подобраться к вашей квартире, если, конечно, версия с форточкой справедлива.

– К этой квартире может подобраться только какая-нибудь обезьяна вроде зеленой мартышки.

– Почему именно зеленая мартышка, а не, скажем, западноафриканская макака?

Светлинский пожал плечами.

– Да так. Просто первое, что пришло на ум. Вон там мои окна.

Софья посмотрела вверх. Почему-то она совершенно отчетливо представила себя карабкающейся на высоту девято-

го этажа. У Сони даже закружилась голова. Но одно Соня определила точно. Если версия с форточкой верна – человек, совершивший преступление, ненормален. И привели ее к этому выводу следующие соображения. Обычный человек даже думать не стал бы о подобном штурме без альпинистского снаряжения и соответствующей подготовки. А альпинисту никогда в голову не придет идея подобного преступления. По крайней мере, так казалось Соне.

– Хорошо, а где форточка? – спросила она.

– С другой стороны. Пойдемте, покажу.

Форточка имела размеры гораздо меньшие, чем окна, а потому с того положения, где Софья находилась сейчас, ее невозможно было даже как следует разглядеть.

– Мне нужно осмотреть квартиру, – заявила Софья, и Светлинский кивком пригласил ее следовать за ним.

Беспорядок и неухоженность бросались в глаза. Батарея пивных, и не только, бутылок свидетельствовала о тяжелом характере запоя хозяина. Повсюду валялись носки, рубашки, майки, пустые сигаретные пачки и прочее. Софья поморщилась, но ничего не сказала.

Первым делом она решила осмотреть злополучную форточку. Однако ничего интересного разглядеть не удалось. Отверстие был чрезвычайно мало. Протиснуться, конечно, можно, но для этого где-то там, за окном, необходимо было проделать поистине акробатический трюк. Все это бы-

ло довольно печально. Софья решила, что, если версия с форточкой действительно соответствует истине, преступник должен обладать весьма худосочной комплекцией. Всех толстяков можно отбросить сразу. Загвоздка заключалась в том, что принять этот вариант безоговорочно, по меньшей мере, неразумно. От внешнего мира эту потенциальную лазейку отгораживала вставная рама от комаров, и человек с заурядными способностями замести за собой следы не сумел бы при всем желании.

Соня приступила к проверке остальных окон. Все они оказались крепко запертыми на шпингалеты. Она проверила, хватит ли у нее силы, чтобы справиться с шпингалетами одним легким движением. Не хватило.

Тут Софья догадалась, что ведет себя в точности как один ее старый знакомый еще со времен работы в театре, некий Сережа Чуранов. Однажды он потерял свой костюм. После того как Сережа не обнаружил его в шкафу, поступки Чуранова начали отличаться некоторой странностью. Смирившись с отсутствием костюма на обычном месте, он принялся искать его по всей комнате, при этом заглядывая в самые загадочные места. То под половой коврики, то под томик Пушкина, небрежно валявшийся на письменном столе. Сторонний наблюдатель мог прийти в состояние крайнего удивления, созерцая действия Сережи. Почему-то тогда Со-не все это безумие казалось вполне логичным и обоснованным. Справедливости ради надо заметить, что время от вре-

мени Чуранов приходил в себя и заглядывал в шкаф, дабы в очередной раз убедиться, что он продолжает пребывать в здравом уме и трезвой памяти. Ну да ладно, это так, некоторое отвлечение от темы.

Соня осмотрела засов, на который запиралась изнутри квартира Владимира. Своей массивностью и прочностью он вызывал чувство несомненного уважения. Полчаса осмотра квартиры убедили Софью, что способ проникновения злодея на место преступления отличался недюжинной оригинальностью. Соня глубоко вздохнула.

– Ничего не понимаю! – пробормотала она.

– Что будем делать? – задал вопрос Светлинский.

– Ну что ж, нельзя подойти с этого конца, подойдем с другого, – был ответ. – Давайте действовать по предписаниям классиков.

– Каких классиков? – осведомился Владимир.

– Самых обычных. Детективного жанра. Знаете, с чего они в таких случаях начинали расследование?

– Голову на отсечение даю, не представляю, о чем вы говорите.

– Нужно расспросить клиента о врагах жертвы, истинных или потенциальных. Ни к чему хорошему это, разумеется, не приведет, скорее всего, направит сыщиков по ложному следу, но тут уж извините, так положено. Иначе вообще незачем было бы сочинять детективы.

Светлинский почесал затылок.

– Ага. Понятно.

Софья не сомневалась, что ее тонкий намек клиент скорее всего совершенно не понял и дальнейшие размышления на эту тему привели бы только к ненужной трате времени. А потому Соня сразу приступила к роли частного сыщика, роли, к которой она уже успела привыкнуть.

– Итак, кто мог быть врагом вашей покойной жены? – спросила она.

– М-м-м... Мне необходимо некоторое время, чтобы подумать.

– Думайте!

Светлинский сел в кресло, приложив руку ко лбу. При этом он стал сильно напоминать главного персонажа картины, точного названия которой Софья не помнила, но общий смысл могла бы свести к следующему: Ленин медитирует под музыку. Или что-то еще такое в этом роде.

– Ну как? – спросила Соня, когда сеанс был окончен.

– Так, – ответил Владимир. – Три врага могло быть у Нины.

– Любопытно, чрезвычайно любопытно.

– Во-первых, – начал загибать пальцы Светлинский, – это мог быть Павел Николаевич Кутузкин. Это бывший начальник Нины. Бывший по понятным причинам. Они работали в одном рекламном агентстве.

– Что мог Кутузкин иметь против вашей жены?

– Дело в том, что у Нины появился шанс занять его место.

А для этого нужно было доказать высшему начальству инвалидность Кутузкина.

– Что?!

– Дело в том, что у Павла Николаевича отсутствует один глаз. Потерял еще в подростковом возрасте во время уличной драки. А сейчас у Кутузкина стремительно развивается близорукость. Сами понимаете, с подобными данными, да в рекламном агентстве, когда дела идут в безумно интенсивном темпе, что глаз да глаз нужен...

– Не совсем понимаю, но согласна.

– Ну так вот...

– Один глаз, значит, говорите. Это прямо как у Кутузова.

– Да. Правда, удивительные бывают совпадения?

– Говорят, совпадений не бывает. Все в мире имеет свои причины, все взаимосвязано.

– Да, пожалуй. А к тому же основания для подозрения имеются. В конторе, где работала Нина, прошел слухок, что Кутузкин активно увлекается коррупцией.

– То есть кутузка по нему плачет?

– Точно. Знаете, а я, кажется, начинаю верить в возможность неких мистических взаимосвязей...

– Это уж на ваше усмотрение. Что-нибудь еще интересное по этому Кутузову-Кутузкину?

– Пока все. Но он не единственный враг. – Я вас слушаю.

– Есть еще некая Надежда Любовьевна Верящая.

– Пойдите, пойдите! Я, конечно, понимаю, бывает вся-

кое разное, но как это так, Любовьевна? Ведь это женское имя – Любовь!

– А чему вы удивляетесь? Мало ли загадочных имен на свете! Вот у нас, например, этажом ниже живет полусумасшедший старик, член компартии. Знаете, как его зовут?

Вопрос был, конечно, риторический, но автоматически Соня покачала головой.

– Коммунизм Степанович! Знаете, была такая мода в советское время – давать детям оригинальные имена. Сталина, Октябрина – это еще цветочки... А то назовут каким-нибудь Трактором или Пролетарием, и думай потом во времена демократии, как с таким личным кодом общественную жизнь вести!

– Ну это еще все понятно, но Любовь...

– А у Верящей дед был хиппи. Вот он и придумал сыну имя – Любовь.

– Дед – хиппи? Это ведь не так уж давно было!

– А хиппи, они размножаются быстро. Двадцать лет – и уже отец. А в сорок лет – дедушка! А так как хиппи еще в шестидесятых появились, то как раз в восьмидесятых Надежда Любовьевна на свет и родилась.

– Не может быть! Все это похоже на фантастику...

– Еще как может.

– Чем же эта Верящая так досадила вашей жене?

– Надя была влюблена в меня. Клялась, что в один прекрасный день избавит меня от жирной стервы. А потом...

– Что «потом»?

– Да так, ничего.

– Э-э-э, вы не темните! Раз уж решились стать моим клиентом...

– Да это все настолько неважно, настолько обыденно...

– Вы спали с Надеждой?

– Ну, я же мужчина, а она – симпатичная женщина...

– И отца ее звали Любовь.

– Вот-вот! То есть, тьфу, что я говорю, к делу это, конечно, никакого отношения не имеет...

– Ваша жена знала об этом?

– Ну, думаю, она догадывалась.

– Понятно. А какова была ее реакция?

– Достаточно не деликатная.

– То есть?

– Она угрожала Наде физической расправой.

– На полном серьезе? – заинтересовалась Соня.

– Нет, конечно! – возмущенно возразил Светлинский. – Ну подумайте, что Нина могла бы сделать в реальности?

– А Верящая могла бы принять на веру угрозы вашей жены?

– Ну, всякое может быть...

– Ладно. Возьмем на заметку. Кто-то еще?

– Алексей Приходкин. Бывший наркоман.

– Бывший?

– Конечно. Он не выдержал страстного натиска моей жены

и решил, что куда благоразумнее слезть с иглы.

– Стоп-стоп-стоп! Что-то слишком много вопросов у меня накопилось. Во-первых, как связаны ваша жена и намерение наркомана слезть с иглы, а во-вторых, как ваша жена связана с наркоманом?

– Ну так это элементарно! Кто, кроме наркомана, мог повестись на мою жену? Это – раз. А во-вторых, даже наркоман не мог бы вынести мою жену! Это – два.

– Ничего не понимаю!

– Нина давала Леше деньги на наркотики.

– Так... Понятно. Но каким образом он оказывается в списке подозреваемых?

– Так ведь она могла угрожать ему, что если он порвет с ней отношения, то информация о его прошлом дойдет до одной очень милой девушки, очень приличной, которой Алексей серьезно увлекся, когда слез с иглы. Сейчас они – муж и жена.

– Хм-м-м... А вы знаете, как зовут эту девушку?

– Конечно. Мария. В девичестве – Нетрунова. Такая она нестандартная! Такая недотрога!

– Последний вопрос, пусть и немного бестактный, – «сыщица» сочувственно вздохнула. – Вы знали, что у вашей жены есть любовник?

– Конечно.

– И неужели это вас никак не трогало?

– Нет, конечно! Я, наоборот, просто мечтал, что Нина уй-

дет к нему. Хотя у меня есть подозрение, что завела она его специально, чтобы вызвать мою ревность. Вот дура!

– Нельзя плохо отзываться о покойных.

– Ох, правда, тогда давайте не будем о ней...

– У меня больше нет вопросов.

– Но это еще не все. Есть последний кандидат в подозреваемые, – напомнил Светлинский.

– И кто же?

– Родной брат Нины. Санек. Дело в том, что их отец при смерти.

– Не вижу связи, – актриса нахмурилась.

– Отец Нины долгие годы копил состояние. На сберкнижку. Копил, но никогда не тратил. Умереть он должен со дня на день. Так нам, по крайней мере, в течение года уже кажется. А он все никак не умирает. Короче, если Невезучий умрет...

– Невезучий?

– Ну да, именно такова девичья фамилия Нины.

– Да-а... Курузкин, Верящая, Невезучий... Веселая компания, я погляжу, собралась.

– Ну, как сказать. Короче, наследство пришлось бы делить на двоих, а так все перепадет братишке. Так что...

– Многовато врагов было у вашей жены, – заметила Соня.

– Что ж поделаешь, – Светлинский печально развел руками.

– Больше никого не вспомните?

– Нет.

– Ладно. Давайте данные на всех этих людей, адреса, фамилии, явки... Нет, последнее я, кажется, из другой оперы вспомнила, – Соня достала из сумочки блокнот и ручку, – а я буду записывать.

– Если бы это могло помочь! А то по всем статьям подозреваемым номер один пока остаюсь я сам.

– Да уж. С этим и не поспоришь...

* * *

На улице Софья задумалась. Расследование она решила начать со встречи с Павлом Николаевичем Кутузкиным. Здесь была одна маленькая хитрость. «Допрос» нужно провести так, чтобы Павел Николаевич не догадался о том, кто она такая на самом деле, и не вошел в роль партизана на допросе. Пораскинув мозгами, Соня решила, что неплохо бы на эту тему переговорить с Олегом Рыбаком. Тем более кое-какие идейки у нее появились. Заодно будет повод для встречи, а может, даже... А может, даже для возобновления отношений. За этими размышлениями Соня заметила на противоположной стороне улицы своего старого приятеля, Ваню Раслова. Она помахала рукой.

Осведомившись для приличия у друга, как дела, сообщив кое-что о своих собственных, Софья, пользуясь случаем, попросила у Раслова мобильник, дабы сделать, как она выра-

зилась, короткий, чрезвычайно необходимый звонок. И, конечно, Ваня ей не отказал. А набрала Софья рабочий номер Рыбака.

– А, это ты! – обрадовался Олег. – Что-то давно от тебя ни слуху ни духу. Я уж начал подумывать, что ты забыла обо мне. Начал на тебя, мягко говоря, обижаться.

Сердце Софьи сжалось. Вот так вот! Когда же она избавится от этой своей проклятой стеснительности, от этих комплексов! Каждый раз хочет сделать как лучше, не навязываться, а в итоге только ломает свою личную жизнь, не может постоять за свою любовь. Если бы люди ценили ее скромность, так нет же, они еще и обижаются!

– Как-то случая подходящего не выпадало, – ответила Соня и прикусила губу, так как догадалась, что опять ляпнула совсем не то, что надо. И Олег не преминул отреагировать:

– Чтобы поговорить со старым другом, обязательно требуется повод?

– Да нет, я совсем не то хотела сказать, просто понимаешь, я не хотела быть назойливой, потому что... – Соня поняла, что запуталась в своих собственных извинениях.

– Глупости! Ты прекрасно знаешь, что я всегда рад пообщаться с тобой – независимо от обстоятельств.

– Да, конечно, но...

– Говори, какое у тебя срочное дело возникло на этот раз.

– Это не телефонный разговор. Мне нужно с тобой встретиться.

– Понятно. Ввязалась в очередное расследование. Ну что ж, давай на набережной через час. Устроит?

– Вполне.

– Тогда – у Бабушкиного спуска. Буду ждать.

Соня вернула телефон Раслову.

– Звонок получился не такой уж и короткий, – язвительно заметил Иван.

Соня покраснела.

– Да ладно тебе, – Иван положил руку ей на плечо, – это я так. Шучу.

* * *

Соня, как и подобает приличной девушке, решила опоздать. Эдак на полчаса. Олег ждал ее с бутылкой пива в руках. Старые знакомые обнялись, поцеловали друг друга в щечку. Из ближайшего кафе доносилась музыка. Пел Олег Газманов: «Ты морячка, я моряк, ты рыбачка, я рыбак...» Софья посмотрела на Рыбака и подумала, что он и правда напоминает человека, вернувшегося из дальнего плавания. Олег взял Соню за руку.

– Ну пойдем, – сказал он, – расскажешь о себе.

На Набережной буйствовал ветер, играя с волосами Сони. Как бы хотела Соня поговорить сейчас с Рыбаком о чем угодно, кроме работы, но... Обстоятельства, как всегда, складывались не в ее пользу, и виновата в этом была первым делом

она сама.

Олег предложил ей присесть на лавочку. И Софья поведала Рыбаку о своих соображениях и планах.

– Значит, ты предлагаешь явиться к Кутузкину в обличье сотрудника милиции?

– Да, и тут мне просто необходима твоя помощь.

– Поможем. Конечно, мне предстоит преступить служебные полномочия... Когда я выдам тебе форму. Но это все пустяки.

– Я знала, что ты мне не откажешь! – воскликнула Соня, в страстном порыве обняла Олега и поцеловала в щеку, после чего с досадой осознала, что это отдает сугубой официальной.

* * *

Павел Николаевич Кутузкин обитал в отдельном кабинете с табличкой таинственного содержания на двери: «Директор по общим вопросам Кутузкин П.Н.».

– Интересно, чем он занимается? – обращаясь скорее к самому себе, чем к Соне, проговорил Олег.

– Понятия не имею. Но раз им выделяют отдельный кабинет, то, наверное, чем-то нужным и важным, – заметила Софья.

На Соне была форма сержанта милиции. Перед тем как постучаться и войти, она придала своей физиономии неесте-

ственно строгий вид. Когда-то ей случалось играть злую царевну в детской сказке о семи богатырях, а потому образ «железной леди» Софье Невзоровой был знаком.

– Готова? – шепнул Рыбак.

Соня кивнула.

Олег несколько раз властно постучался, дернул дверную ручку и решительно шагнул вперед. Действовать было решено нахрапом.

Павел Николаевич Кутузкин оказался маленьким тщедушным человечком с блестящей лысиной и круглыми темными очками на носу. Чем-то он напоминал секретного агента иностранной разведки из шпионских боевиков. Реакция его на приход представителей правоохранительных органов оказалась совершенно неожиданной. Словно хорошо выдрессированная на определенные объекты собака, он моментально поднял руки вверх.

– Я ни в чем не виноват! – заверещал Павел Николаевич чрезвычайно высоким голосом, напомнившим Софье евнуха в исполнении Владимира Винокура.

«Интересно, взял бы его Виктор Андреевич на роль Ромео, – подумала Соня, – или на роль Джульетты?»

– Гражданин Кутузкин? – подозрительным тоном спросил Рыбак.

– Я ни в чем не виноват! – продолжал убеждать тот.

– Вот в этом мы сейчас и разберемся. – Я ни в чем не виноват!

– Успокойтесь, гражданин Кутузкин!

Словно собака, которой сказали «фу», Павел Николаевич опустил руки и вытянулся по стойке «смирно».

– Можете еще немного успокоиться, – произнесла Софья. Кутузкин обмяк.

– До нас дошла информация... – начал было Олег.

– Это ложь! – вновь заверещал Кутузкин. – Грязная ложь! Клевета!

– Вы хоть знаете, о чем речь? – устало спросил Олег.

– Нет.

– Что же тогда орете?

– Не знаю.

– Ну так вот. До нас дошли слухи, что в вашем отделе наблюдается такое негативное явление, как коррупция.

Лицо Павла Николаевича перекосилось. Казалось, теперь он опустил руки не только в прямом, но и в переносном смысле слова.

– К-к-коррупция?

– Вы удивлены?

– Нет. Это не я! Это не я!

– Да подождите вы! Проблема в том, что, возможно, в составе преступления присутствует не только коррупция.

– К-как?

– Вот так.

Олег загадочно улыбнулся и принялся расхаживать взад-вперед, заложив руки за спину.

– В каких отношениях вы состояли с Ниной Станиславовной Светлинской?

Сначала Кутузкин почему-то покраснел. Потом почему-то побледнел.

– Все вскрылось, – голосом обреченного медленно произнес он. – Я так и знал, что рано или поздно все откроется! Значит, она действительно оставила один экземпляр у сотрудника милиции! Вот и все. Конец! Но я сознаюсь! Честное слово! Скажите, пожалуйста! – Павел Николаевич молитвенно вытянул перед собой руки. – Чистосердечное признание облегчит мою участь?

Соня чуть не запрыгала от радости. Неужели так все просто?!

– Облегчит, – поспешил заверить Рыбак.

– О, это перст божий! – завывал Кутузкин. – Это – наказание, ниспосланное свыше! Я чувствовал, что эта женщина меня подставит! Чувствовал, но думал, что она все же не решится на такой шаг! Ведь это было невыгодно ей самой! Я не просчитал такой возможности, что Нина может просто предпочесть умереть.

– Ей помогли умереть, – заметила Соня.

– Может быть, и так. Какая теперь разница!

– Нет, вы уж постойте! Что значит – какая разница? Мы разыскиваем убийцу Нины Станиславовны.

– И попутно обнаружили грехи старого несчастного инвалида. Эх-х-х... Знал бы я, кто этот убийца, я бы сам прибил

его собственными руками.

– Вы поосторожней с заявлениями, – предупредил Рыбак.

– Так, я что-то не понимаю, – начала Софья, – выходит... Рыбак оборвал ее.

– Стоп-стоп-стоп! Позволь мне! – Олег повернулся к Павлу Николаевичу. – Вы заявили, что готовы дать чистосердечное признание.

– Да. Записывайте!

– Записывать мы не будем, достаточно устного рассказа.

– А такое возможно?

– Еще как! Дать почитать Уголовный кодекс?

– Нет, спасибо.

– Так не тяните.

– Понимаете ли, – Кутузкин замялся, – Нина как-то сделала мне оч-чень странное предложение. Она предложила мне стать участником порнофильма.

– Участником порнофильма? – Рыбак был просто сражен услышанным.

– Да-да! Потом мы должны были продать кассеты с этими записями куда-то за границу. А я еще должен был прибегнуть к своим давним связям с таможенной полицией.

– А помимо вас в фильме кто снимался?

– Так сама Нина и снималась! Вы понимаете, я на это дело только из любви к Нине решился! Деньги от этой сделки мне в пень не сдались! Я ведь одноглазый, девчонки меня не любят. Я ведь до Нины девственником оставался! А так

хотелось попробовать...

– Веселая у Светлинского была женушка, – хмыкнула Со-
ня. – А он еще жаловался, что такую корову никто полюбить
не сможет!

– Не говорите так о Нине, тем более она погибла! Несмот-
ря ни на что, она была прекрасной женщиной!

– Никто не сомневался. Так, значит, вы с ней вместе пе-
ред камерой любовь припудривали? – скептически уточнил
Олег. – Неужели это кто-то может купить?

– А что? Мы вполне еще молоды! Сильны! К тому же вку-
сы у людей разные бывают... Не всем же нравятся стираль-
ные доски со спичками – я имею в виду женскую фигуру. И
я еще раз повторяю, мы до сих пор молоды!

– Особенно вы. А снимал кто?

– Никто не снимал. Камера была неподвижно зафиксиро-
вана при помощи...

– Неважно, – отрезал Рыбак. – Вопрос тут стоит по-дру-
гому. Вы сказали, что Нина отдала один экземпляр сотруд-
нику милиции. Что это значит?

– Понимаете, дальше все еще более запуталось.

– Не понимаем.

– Мы провернули сделку, заработали некоторое количе-
ство денег, и тут... Нина как будто взбесилась. Похоже, за
счет всего этого ей удалось завоевать расположение очень
влиятельных людей, и она решила согнать меня с моего ме-
ста. Нина принялась собирать бумаги, в соответствии с ко-

торами меня должны были уволить по причине инвалидности. Какой подлый удар с ее стороны!

– И вы начали ей угрожать.

– Да упаси господь! Я человек маленький...

– Только увлекающийся время от времени коррупцией.

– Нет, я честный коррупционер! Тьфу ты! Совсем мне мозги запутали! Это Нина пригрозила мне, что, если, не дай бог, с ней что-то случится, кассета с моими подвигами вместе с сопроводительным письмом окажется в руках милиции. Вроде как она своему знакомому менту, извините, милиционеру, экземпляр подарила. Говорит, мол, если мою вину в убийстве и не докажут, все-таки репутация у меня безупречная, то известия о махинациях уж точно в руки закона попадут. А тогда – прощай, репутация! Думаю, слух о коррупции тоже она пустила. А я ведь искренне ее любил и до того ничем противозаконным никогда в жизни не занимался! Как же я после той угрозы за жизнь ее бояться начал! Ведь тогда – пиши пропало! Жизнь исковеркана без права на апелляцию! Один мой знакомый сказал, что это я ее и убил.

Софья с интересом вскинула брови. В ней вспыхнула искорка надежды, маленькой радостной птичкой устремилась в многообещающий полет к небесам.

– Поясните свою мысль.

– Он сказал, что, если любишь кого-то больше бога, высшие силы отбирают у тебя объект желания. Так вот и тут произошло. Потустороннее воздействие!

– А кто он, этот ваш знакомый?

– Очень хороший, очень праведный человек. У них там церковь какая-то особенная, не православная. Он говорит, что все происходит по воле небес, надо одуматься...

Маленькая радостная птичка достигла солнца, опалила крылья и рухнула легоньким трупиком с небес на землю, поставив таким образом печальную точку в первой версии сыщицы.

– Понятно. Ваш друг – религиозный фанатик-сектант. Так, значит, вы не убивали Нину Степановну?

Вопрос Софья задала просто так, для проформы, – крылышки погибшей птички дергались по причине рефлексорных процессов в дуге спинного мозга.

– Нет, конечно! Я боялся этого больше всего на свете! А знаете, одна старая, желчная, полусумасшедшая бабка из нашего двора, которую все считают ведьмой, говорила, что, если чего-то очень бояться, это обязательно произойдет, потому что получит отклик в астральном мире.

Софья молчала, устремив тоскливый взгляд куда-то к небесам, словно оплакивая усопшие надежды. Олег хихикал. Павел Николаевич не выдержал парадоксальной атмосферы и закричал:

– Теперь, когда я признался во всем, мне облегчат приговор?

– Приговора никакого не будет, – ответил Рыбак. – Мы вообще-то расследуем убийство Нины Светлинской, а не пор-

новыходки мелких коррупционеров.

– Я из любви к Нине!

– И кассету, скорее всего, Нина никакому сотруднику милиции не оставляла. Иначе об этом давно было бы известно. Просто решила на всякий случай перестраховаться, припугнуть вас. Если экземпляр кассеты у нее и остался, то она бережно хранила его у себя. И я обещаю, если мы найдем этот единственный, или даже не единственный, не суть важно, экземпляр, мы обязательно пришлем его по почте именно вам, да еще и надпишем: «Кутузов в бою!»

И тут Павла Николаевича будто подменили. Ни Софья, ни Олег не ожидали такой внезапной перемены в его настроении. Соня после того взяла себе на заметку, что неплохо бы еще раз перечитать какой-нибудь учебник по психологии. Совершенно внезапно Кутузкин завизжал:

– Да как вы смеее надо мной издеваться! Я подам на вас в суд!

Работник МВД и бывшая актриса не успели опомниться, а тот уже напирал на них с кулаками:

– Вы оскорбляете человеческое достоинство, вы унижаете личность! Вы оскорбляете честь и славу народного героя!

– Э, э, поосторожней! – замахал руками Рыбак. – Вы что?

– Я терпеть не могу, когда смеются над моей фамилией!

– Да кто тут смеялся? Просто сопоставили некоторые факты...

– Да я тебе! – заорал Кутузкин, в очередной раз вознося

свой грозный кулак над головой.

И тут Олег нашел выход.

— Руки вверх! — заорал он со всей мочи, и Павел Николаевич в тот же миг подчинился.

— Так-то вот! — рывкнул Рыбак и развернулся к выходу.

* * *

Перед тем как наконец вернуться домой и отдохнуть после сумасшедшего дня, Софья еще раз навестила Светлинского. Она поведала ему все, что произошло с ними в кабинете Кутузкина.

— Да-а... — протянул Владимир. — А жена моя, оказывается, еще более темная личность, чем я думал! Что ж, кассеты никто просмотреть не додумался, в том числе и сотрудники милиции. Своей проницательностью вы вселяете в меня надежды, Соня!

— Это пустяки, — скромно ответствовала та.

— Сейчас посмотрим, что за кассеты Нина хранила у себя помимо всяких мелодрам. Включите, пожалуйста, видеомагнитофон.

Большинство кассет Светлинской содержали действительно записи каких-то сентиментальных пародий на произведения искусства, а также фильмы, демонстрирующие физические упражнения для похудения. Но помимо всего этого хлама обнаружилась замечательная коллекция порно-

продукции. Без труда Владимир отыскал и тот эксцентрично-остросюжетный боевик, о котором толковал Павел Николаевич.

– Да-а... – качал головой Светлинский. – Свою жену, оказывается, я очень мало знал. Вы поглядите, какие они трюки вытворяют! Какая акробатика! Вот уж никогда не подумал бы, что Нина, с ее-то комплекцией, на такое способна!

– Что скажете?

– Что я скажу? Да что я могу сказать! Завтра отправлю бандеролью Кутузкину!

* * *

Родной домашний уют, но Соня никак расслабиться не может. Вновь и вновь ей приходится доказывать матери.

– Понимаешь, вкусы разные бывают! Не всем же нравятся стиральные доски со спичками! Я имею в виду женскую фигуру! А кого-то может потянуть на экзотику. Одноглазый лысый старик может у кого-то ассоциироваться с бывалым отважным пиратом, ассоциация может вызвать небывалое возбуждение. Мама, мир такой! Он сложный и многогранный! Нельзя однозначно судить о людях, иначе легко впасть в заблуждение. Ну как мне тебе еще объяснить?

– Все равно не понимаю. Даже если это и так, какой толк от простого просмотра видеокассеты?

Софья обессиленно уронила голову на грудь.

Глава 3

Маргарита Ярополковна разбудила Соню с утра пораньше.

– К тебе мужчина! – шепотом сообщила она.

– Рыбак? – обрадованно подскочила с постели Соня.

– Нет, не Рыбак, но, по-моему, очень даже привлекательный молодой человек. Весь такой аккуратный, в строгом костюме, гладко выбрит...

Глаза Сони сразу потухли.

– А жаль...

– Что жаль? – удивилась Маргарита Ярополковна. – Что аккуратный?

– Да нет. Что не Рыбак.

– А кто это?

– Представления не имею. С такими данными, как ты описала, давно никого не встречала.

– Он ждет тебя в гостиной.

– Скажи, что я сейчас переоденусь и приду.

– Хорошо.

Кряхтя, скрипя колесами, укатило из Сониной комнаты инвалидное кресло. Софья открыла шкаф и почесала затылок. «Может, на всякий пожарный, надеть что-нибудь понаряднее и попривлекательней?» – мелькнуло в голове.

В гостиной Софью Невзорову ожидал Владимир Светлинский. Вот уж кого-кого, а его Соня никак не ожидала увидеть. Аккуратный, в строгом костюме, гладко выбритый. Таким Соня его еще не видела.

– Привет, – махнул рукой Владимир. Вид у него был чрезвычайно обеспокоенный.

– Привет. Что-то случилось?

– Да. Честно говоря, я ничего не понимаю.

– Вот как? А с чем связаны сии выводы?

– Представляете? Сегодня утром я вышел из дома, дабы совершить небольшую прогулку. Очень, знаете ли, помогает с утра.

– Не пробовала.

– А вы попробуйте. Но дело, конечно, не в этом. Дело в том, что я у выхода со двора заметил очень подозрительного человека. Подозрительного потому, что он то и дело прятал лицо под воротником спортивной куртки. Но это еще не все. Я долго блуждал по окрестным улочкам и несколько раз видел, как этот тип пытается скрыться за углом. Исходя из этого, я сделал вывод, что за мной кто-то следит.

– Не слишком сложное логическое умозаключение, – заметила Соня.

– Да. А когда я шел к вам, тоже пару раз пересекался с этой загадочной личностью.

– У вас есть предположения, кто это мог быть?

– В том-то и дело, что никаких! Абсолютно! Мало мне

проблем с милицией, так тут еще и это! Но согласитесь, история с самого начала была окружена тайной.

Софья кивнула.

– Быть может... – хотела она сделать собственные предположения на этот счет, но ее прервали. В дверь кто-то нагло и настойчиво позвонил несколько раз.

– Что-то сегодня прямо наплыв гостей какой-то, – сказала сыщица. – Подождите минутку, я посмотрю, кто там. Не хочу тревожить маму.

Соня глянула в глазок. Там она увидела искаженное увеличительным стеклом, а оттого до нелепого смешное, вызывающее ассоциации с хомяком, мужское лицо. На бандита вроде не похож, а потому Софья решила открыть дверь.

Перед лицом Софьи распахнулась красная корочка сотрудника МВД.

– Майор Михаил Александрович Цереберов, – представился мужик гнусным блеющим голосом. – Разрешите пройти?

– Конечно.

Следом за ним в квартиру нырнули еще двое. Один в форме сержанта милиции, другой – в спортивной куртке с поднятым воротником.

– А где этот мерзавец Светлинский, который жену настолько любил, что даже бухать не удосуживался с собой брать? Оч-чень подозрительно! Не так ли?

Соня пожала плечами и посмотрела на часы. Те показы-

вали без пяти девять.

– Он в гостиной.

– Оч-чень подозрительно, – повторил Цереберов.

Когда непрошенные гости прошли в комнату, Светлинский вскочил со стула, ткнул пальцем в сторону человека в спортивной куртке и заорал:

– Это он! Это он! Он меня преследовал! Неужели милиция ничего не предпринимает против таких вот типцов, без спросу вторгающихся в чужую личную жизнь...

– Спокойно, – слащавым голосом отрезал Цереберов. – Это наш человек, лучший из внештатных агентов. Это я поручил ему вторгнуться в вашу жизнь.

Он повернулся к Софье.

– Девушка, вы не заварите для нас чайку?

Соня удивилась такой наглости, но возражать не стала.

– Сейчас поставлю.

Когда она вернулась, Цереберов уже развалился на диване и внушал Светлинскому:

– В последний раз спрашиваю! Почему жену бухать с собой не взял? Оч-чень подозрительно!

Часы показывали девять.

Соня принесла чай. Цереберов принял чашку, широко улыбнулся и сказал Светлинскому:

– Чай лучше бы пил, а не водку! А если водку пьешь, почему жену бухать с собой не берешь? Оч-чень подозрительно!

На часах натикало пять минут десятого.

– Зря вы в это дело ввязались, девушка, – хмыкнул майор, поворачиваясь к Соне. – Преступник – он, и это очевидно!

– Но доказать это невозможно.

– А-а-а... – отмахнулся Цереберов. – Все можно доказать, было бы желание. А оно у меня есть, и очень сильное. Я за добычу держусь мертвой хваткой!

«Как Цербер!» – с ужасом подумала Соня.

– Вот скажите, – он снова перевел взгляд на Светлинского. – Скажите мне, пожалуйста. Вы действительно рассчитываете на то, что эта девушка поможет вам отмазаться от тюремной решетки, или желаете поступить с ней так же, как со своей женой?

– Что? На что вы намекаете!

– Я намекаю на то, что, возможно, вы – маньяк!

– Ну уж позвольте!

– Заманиваете несчастных женщин к себе в сети, а потом... Чик – и готово! А что, по теории вероятности такое вполне может быть! А мне так хочется звездочку подполковника получить...

– У нас сугубо деловые отношения, – надула губки Соня.

– Никакой любви! – усмехнулся Цереберов. – Сделал дело – гуляй смело! Так у вас? А что? По-моему, очень даже удобно... Тем более в наш век...

Софья покраснела, потом побагровела от ярости. Спутники Цереберова угрюмо рассматривали что-то в своих чаш-

ках.

– И тут ведь дело не только в теории вероятностей! – увлеченно продолжал майор. – Стоит мне только глянуть на вас, девушка, декольте, как мне тут же в соответствии со всеми правилами дедукции приходит в голову одна замечательная мысль. Сейчас я поясню. Когда между людьми деловые отношения, будет ли девушка с утра пораньше надевать декольте, когда к ней приходит клиент?

Сыщица прикусила губу от досады.

– Бухать-то он с собой вас хоть берет? А то оч-чень подозрительно получается!

Десять минут десятого.

– И еще один момент! – поднял палец Цереберов. – Если бы у вас были обычные отношения, как это бывает между мужчиной и женщиной, вы, конечно, имеете право наряжаться. Но вот с утра пораньше, по идее, вы должны иметь очень уставший и потрепанный вид. А тут... тут, знаете ли, пахнет грубыми извращениями! Быть может, вы – маньяки-сообщники!

– Я не позволю так оскорбительно... – начала было Соня, но голос ее предательски задрожал.

– Какие эмоции! Какие бурные эмоции! – радостно воскликнул Цереберов и захлопал в ладоши. – А вы, я слышал, бывшая актриса и привыкли к грому аплодисментов. Аплодисменты будут! Обещаю вам!

Он с садистской улыбкой наблюдал за дрожащей от гнева

и обиды Софьей Невзоровой. Человек в спортивной куртке выудил что-то из чая и стал внимательно рассматривать.

– Вы... Вы... – задыхаясь, пыталась выразить свое негодование Соня, но у нее не получалось.

Цереберов допил чай и поставил чашку на стол.

– Хватит в чае ковыряться! – гаркнул он на своих «сообщников». – Сегодня мы тут все равно ничего больше не выловим! Но за этой парой стоит проследить!

Майор обратился к Соне:

– Вы нас проводите?

– Да у меня муж – сотрудник милиции! Олег Рыбак! – в отчаянии выкрикнула Соня и сама удивилась тому, что сказала.

Цереберов только усмехнулся.

– Поставь чашку на место! – цыкнул он на молодого человека в форме сержанта. – Пойдем!

Вся троица потянулась к выходу. Соня все-таки отправилась их проводить.

– Не забывайте о нас! – сказал Цереберов уже в дверях. – Кстати, девушка, бухать-то он с собой вас берет? А то очень подозрительно!

Он вытянул перед собой руку и глянул на часы.

– Пятнадцать минут десятого, – покачал головой майор. – Что-то я припозднился... Давайте скорее отсюда! Дел полным-полно!

Дверь за непрошеными гостями затворилась. Соня верну-

лась к Светлинскому.

– Ну как вам Цереберов? – усмехнулся Владимир.

– Мразь! – только и нашлась Софья.

– Угу. Чрезвычайно въедливый тип!

– Это еще мягко сказано!

– Вы сегодня намерены продолжать расследование?

– Еще как намерена! Я уж постараюсь поставить этого хомьяка на место! Обломается ему его звездочка!

Владимир слабо улыбнулся.

– Послушайте, эта Надежда Любовьевна Верящая... По-вашему, какой наилучший способ можно выбрать, чтобы подступиться к ней? На какие кнопки ее психики можно нажать, чтобы она начала выдавать информацию, способную навести меня на размышления?

– Даже не знаю. Надя – человек бывалый... Ее мало чем проймешь... – почему-то Владимир при этих словах чрезвычайно смутился.

– Это как понять – бывалый?

– Неважно, я просто не то слово подобрал... Знаю! Знаю! Соня вскинула брови.

– Суеверная она до ужаса! А точнее, верующая! В церковь постоянно ходит грехи отмаливать. Больше всего на свете боится угодить после смерти в ад.

– Это какие ж у нее грехи? – удивилась Соня. – Чтобы вот так сразу – раз – и в ад!

Светлинский отчего-то снова смутился.

– Да так... Мелкие всякие там прегрешения...

– Э-э-э... Вы что-то темните! Ну-ка, выкладывайте начистоту. За мелкие прегрешения сразу в ад не отправляют!

– Это как сказать... А если они имеют свойство накапливаться? Там ведь ангелы вроде как на весах все взвешивают.

– Не темните! Какой смертный грех у нее за душой?

– Понимаете, красивая она очень. Влюбляются мужики в нее, а она надежду им дает. Имя у нее такое. Надежда! Не может она страдающему по ней сердцу отказать! А полюбить никого тоже не может. Меня вот только полюбила...

– Стоп-стоп-стоп! А мужики эти, которым она надежды направо и налево раздает, они как, состоятельные люди?

– Видите ли, Надя привыкла вращаться в кругах бизнесменов и политиков. А сама она бизнес иметь не хотела бы. И в политику ни за что на свете не полезла бы...

– Еще бы! – хмыкнула Соня. – Зачем собственный бизнес, когда кругом полно потенциальных богатых любовников?

– Вы все не так понимаете...

– Скажите честно, она дорогая проститутка?

– Что вы, что вы!

– Значит, очень дорогая и чрезвычайно привередливая.

– Надежда просто не любит человека сразу лишать надежды. Ведь речь идет не только и не столько о похотливом животном чувстве, сколько о духовной, высшей любви.

– Тем хуже. Торгует любовью. А прелюбодеяние – один из смертных грехов. Вот она и бежит постоянно в церковь,

кается. На этом можно неплохо сыграть.

– Конечно, но только...

– Что еще?

– Пожалуйста, не называйте ей мое имя. А то у меня есть подозрение, что Надежда до сих пор меня любит, а мне не хотелось бы оказаться неблагодарной свиньей...

– У вас подозрение или надежда?

– Не понял?

– У вас подозрение или вы все еще тешите себя надеждами на искреннюю любовь со стороны Верящей?

– Вы поступаете нечестно!

– Просто мне кажется, эта дама на самом деле никого не убивала, а тем более ради вас. Вы можете смело отбросить это предположение.

– Но она могла сделать это и ради корысти...

– Вы думаете – как вам ни обидно это будет слышать, – у нее не было кавалеров побогаче и повлиятельнее вас?

– Да, но я еще и красивый!

– Думаю, для таких, как она, красота ничего не значит. По крайней мере, судя по вашим словам, ее у Верящей в избытке.

– Все равно стоит проверить, – упрямо гнул свою линию Светлинский.

– Ладно. Разберемся. Предоставьте это мне. А я бы вам сейчас посоветовала больше думать не о прекрасной Надежде.

– А о ком же?

– О Цереберове!!!

* * *

Дома Соня тщательно продумала план действий и сама поразилась своей изобретательности. Она позвонила одной из своих бывших коллег по театру, Татьяне, и попросила подругу о помощи. Требовался очень экзотический театральный костюм. Договорились, что Соня зайдет в театр после обеда.

Софья Невзорова мечтала оказаться в уютной гримерной, где на нее разом навалится куча будоражащих душу воспоминаний. Однако пришлось довольствоваться захламленным подвалом.

Таня подвела подругу к большому картонному ящику, откуда тотчас выбежала большая жирная крыса. Соня угрюмо уставилась на дырку, проделанную крысой в одном из углов коробки.

– Вот здесь у нас лежит последний оставшийся в относительной сохранности костюм небесного ангела, – представила реквизит Таня. – Светочка Зараева играла в нем, когда у нас ставили «Божественную комедию» Данте.

– Он, наверное, очень пыльный, – заметила Соня.

– Есть немного. Но ведь ты можешь и постирать!

Татьяна принялась вынимать по частям на свет божий

(или в полумрак подвальный, что гораздо точнее) содержимое коробки. Заклубилась пыль. Софья принялась отчаянно чихать. К ней присоединилась Таня.

Пышное платье. Пушистые крылышки. Чепчик.

– Ну как? Нравится? – радостно спросила Танька.

Соня поморщила нос.

– По-моему, в этом я буду похожа не на ангела, а на черта. На Мефистофеля!

– Это почему же?

– Да оно же все черное от пыли!

– Но постирать-то недолго!

– А это что за дырка на макушке чепчика?

– А это крыса, наверное, постаралась.

– Бр-р-р!!! Какой ужас!

– Да какая разница? Кто там на макушку твою смотреть будет?

– И крылышки несколько облезлые, – Соня брезгливо приподняла одно крыло.

– А ты их шампунем! «Пантином» с кондиционером! Они сразу станут мягкими и объемными. Давай-ка примерим!

– А может, не стоит? – с сомнением спросила Соня.

– Это как же не стоит? Конечно, стоит! Кто, кроме меня, сможет дать тебе рациональный совет, пойдет тебе это одеяние или не пойдет. Дома будут только лстить.

– Ну, не факт, – попробовала возразить Соня. – Моя мама обладает очень даже тонким вкусом.

Но Таня ее не слушала. Она взбивала платье, так, как обычно встряхивают половики. И пыли, кстати, было не меньше. Не успела Соня опомниться, а подруга уже напяли-вала на нее платье. Софье показалось, что ее схватили раз-бойники с большой дороги и пытаются запихать в грязный мешок. При помощи английских булавок Таня повесила Со-не на спину крылышки, нацепила на голову будущего ангела чепчик.

– На ноги ничего нет, – сказала Таня. – Но могу дать доб-рый совет. Если не захочется ходить босиком, можешь при-обрести на любом рынке белые тапочки. Я думаю, они не бу-дут слишком дисгармонировать с твоим костюмом.

– Какой кошмар! – только и смогла выдохнуть Софья.

– А теперь можно пройти наверх, посмотретья в зеркало. Соня громко чихнула.

– А я не буду выглядеть слишком эпатажно?

– По-моему, в самый раз!

По дороге в Танину примерную Софья ловила на себе изумленные взгляды. Почему-то проходившие мимо люди шарахались от нее, после чего неизбежно раздавались смеш-ки.

В примерной Соня приблизилась к зеркалу и не узнала се-бя. Лицо ее было перепачкано пылью. Если бы она увидела кого-нибудь в таком наряде здесь, в театре, то, может, и по-думала бы о «Божественной комедии» Данте, но неизбежно бы решила, что актер собирается сыграть черта. А еще она

подумала бы, что актер забыл приладить к костюму рожки и хвост.

– Клок волос из-под чепчика торчит, – заметила Софья. – Как-то неестественно смотрится.

– А ты заплату не забудь дома поставить. Да! Еще момент! Сейчас я принесу тебе белокурый парик с локонами. Настоящий ангел должен выглядеть именно так! Уж поверь мне!

«Интересно, откуда она с такой точностью знает, как должен выглядеть настоящий ангел?» – подумала Соня.

Тем временем Таня уже надевала на голову Софьи парик. Почему-то наивная Сонечка полагала, что это будет что-то в духе Мэрилин Монро. Но этот кошмар почему-то больше напомнил ей фильм «Лев ушел из дома».

– Парик давно никому не нужен, – пояснила Таня, – и ты можешь его... э-э-э... Несколько подстричь!

– Подстричь???

– Ну да. Пообкромсать. Чтобы больше соответствовал типуажу ангела. У них должны быть более жидкие волосы.

– Хорошо, – Соня расстроилась. Ее ожидания не оправдались.

– Это все, – сказала Таня. – Конечно, костюм в несколько непрезентабельном, я бы даже выразилась, в нетоварном виде, но ты же творческая личность! Ты можешь что-нибудь придумать из всего этого!

– Конечно, – не в силах прийти в себя, промолвила Соня.

– Ну вот и ладушки! Будешь снимать костюм?

– Да, конечно. Чуть не забыла.

Соня принялась стягивать с себя платье. Ее вновь окружило облако пыли.

– Надо было это делать, наверное, в подвале, – задумчиво проговорила Таня.

Когда костюм упаковали в полиэтиленовый пакет, Соня с сомнением оглядела свою одежду.

– Такое впечатление, что я отработала восьмичасовой рабочий день в кочегарке, – сказала она.

Таня махнула рукой.

– Ничего, дома бросишь одежду в стирку.

«Стирка, стирка! – с досадой подумала Соня. – Знала бы ты, как это тоскливо – стирка!»

По дороге домой Софья все же заглянула на рынок и на всякий случай приобрела пару белых пушистых тапочек.

* * *

Костюм, как ни удивительно, процедуру стирки воспринял вполне положительно. Крылышки действительно словно ожили после мытья шампунем с кондиционером. На чепчик удалось наложить заплату. А посмотрев на новую стрижку парика, Соня решила, что безбожно загубила в себе талант парикмахера.

Она вновь примерила костюм перед зеркалом. И все же, несмотря на все попытки привести его в ангельский вид, вы-

глядел он по меньшей мере убого. Скорее серый, чем белый. Чепчик напоминал головной убор санитаря из морга. Крылышки болтались на честном слове и как-то обвисали. И только новые тапочки цвета первого снега заставляли сердце прыгать от радости.

– Ну что ж, – вздохнула Софья. – Авось пронесет. В крайнем случае скажу: времена сейчас тяжелые, люди совсем грешными стали, а потому даже их ангелам-хранителям туго в таких условиях лямку тянуть...

* * *

До вечера оставалось время, и Соня решила помедитировать. «Какую бы медитацию выбрать, чтобы лучше подготовиться к предстоящему действию?» – задумалась Соня, открывая книжку под названием «Сборник медитативных упражнений».

Ароматические палочки уже успели придать комнате мистический образ, когда Соня наткнулась на следующую статью:

«МЕДИТАЦИЯ АБСТРАКТНЫХ ПОНЯТИЙ

Сядьте в позе лотоса и выберите любое абстрактное понятие, то, которое вам ближе. Жизнь, мудрость, Космос. Выбор может быть любым. Откройте чакры, как это описано на стр. 123, и установите с понятием эмоциональный и ментальный контакт. Попробуйте ощутить логические и чувственные зо-

ны понятия, соответствующие вашим чакрам. Попробуйте сами стать выбранным вами понятием. Ведь природа любого понятия, как и природа человека, – атманическая! Продолжайте упражнение до полного слияния с понятием. Закончив сеанс, обратите внимание, насколько более полно вы теперь чувствуете и осмысливаете выбранное вами понятие. Упражнение желательно повторять не реже трех раз в день».

«Помедитирую-ка я на понятие «ангел», – решила Софья.

* * *

– Ты какая-то загадочная, – заметила Маргарита Ярополковна, когда Сонечка вышла из своей комнаты.

– Ангелы всегда оставались загадкой для грешных людей, – голосом, будто получившим благословение с неба, проворковала Соня.

– Ангелы? А ты, я вижу, скромница!

– Конечно, скромна и чиста, как подснежник...

Маргарита Ярополковна рассмеялась.

– Ах ты, мой ангел! Тебе снова мужчина звонил. Не Рыбак. И не Светлинский...

– Страсти грешные отвращают от истинного блага, Царства Божия, – смиренно молвила Софья.

– Спрашивал, как у тебя дела! – не обращала внимания на просветление дочки Маргарита Ярополковна. – И голос, по моему, вполне приятный. Я все-таки добилась от него име-

ни. Он долго не хотел говорить, утверждал, что это будет сюрпризом, когда он сможет поболтать с тобой лично. Он так и сказал: поболтать. Ах, романтик! Очень красивое у него имя!

– Лишь одно имя мне дорого, имя Господа нашего!

– Михаил Александрович Цереберов!

– Вот дьявол! – со злостью воскликнула Софья, и чакральный контакт оборвался.

* * *

Действовать Соня решила ночью. А поскольку ночью девушке одной разгуливать по городу не полагается, она решила снова прибегнуть к помощи Олега Рыбака. Только у него была возможность оказать ей услугу по реализации замыслов.

Олег приехал к Соне в девять часов вечера.

– Я помню, ты прекрасно умеешь пользоваться отмычками, проникать за запретные двери, – сказала Соня Олегу за чашкой кофе.

– Ты хочешь провернуть очередной взлом?

– Да. Ты можешь вскрыть замок бесшумно?

– Постараюсь.

– Дело в том, что в квартире будет хозяйка.

– А это не опасно, Соня? Вдруг она проснется?

– Ничего страшного. Я сама собираюсь ее разбудить.

– Ничего не понимаю!

– Я все объясню. А еще необходимо будет проделать какую-нибудь штуку, чтобы в квартире погас свет.

– Можно попробовать.

– Вот и ладушки. А теперь слушай, что я задумала.

* * *

– Отвернись, пожалуйста, я переоденусь, – сказала Соня Рыбаку, находясь в парадной перед дверью в квартиру Верящей на последнем этаже. На полу стояла, излучая тусклый свет, свеча. В парадной было темно. Олег случайно вырубил пробки во всем подъезде.

– Конечно, – с неохотой ответил Олег и отвернулся.

Соня принялась наспех переодеваться. Одна последняя деталь оставалась никак не разрешенной, заставляя нервничать Рыбака. Новенькие белые тапочки. Потом Соня все же решила, что пол в подъезде достаточно холодный и грязный, а потому отказываться от тапочек было просто глупо. Когда все было завершено, она сказала Олегу:

– Начинай!

Олег, увидев Соню в столь странном обличье, усмехнулся:

– Ну вылитый падший ангел!

– Зря ты смеешься. Ты не представляешь, каким чистым ангелом я была после медитации абстрактных понятий!

– Ну-ну! – покачал головой Олег и вынул из кармана кусок

проволами, который нашел по дороге к дому Верящей.

Он углубился в процесс вскрытия замка.

Софью же угнетали проблемы. Во-первых, только что обнаружилось, что крылышки, которым было суждено болтаться у нее за спиной, оказались несколько подпаленными. И как Софья не заметила этого раньше? Понятно – там, на складе, когда костюм был совершенно черным, но потом... И почему Танька не предупредила? Ведь это наверняка произошло при каких-то особых обстоятельствах! А во-вторых, занозой в душе засел Михаил Александрович Цереберов. И какого черта ему пришло в голову ей звонить!..

Что-то громко лязгнуло. Соня в испуге метнулась в сторону.

– Извини, – сказал Олег. – Совсем тихо не получилось. Зато теперь все.

– Подстрахуешь меня здесь?

– Конечно.

Соня прокашлялась и взяла в руки свечу. Потом она подумала, что для пущей убедительности хорошо что-нибудь петь. Тихонько так, высоким-высоким голосом. Как назло, ничего подходящего не вспоминалось. Зато прочно обосновала позиции в голове песня, слышанная в маршрутке, когда они с Рыбаком ехали сюда: «Черный бумер, черный бумер, стоп-сигнальные огни...» Соня решила, что если будет петь совсем тихо, а именно так должен петь настоящий ангел, то Верящая ничего не поймет. А потому, решительно пересту-

пая порог квартиры со свечой в руке, Соня замурлыкала себе под нос песенку про «черный бумер». Уже в гостиной она с досадой обнаружила, что тапочки неэстетично шаркают по полу.

Соне повезло. Спальню Верящей она обнаружила почти сразу.

Надежда Любовьевна напоминала спящую красавицу.

Спала она без одеяла, в кружевных трусиках и бюстгальтере.

Фигура ее отличалась идеальными пропорциями, а гладкое милое личико выражало безмятежность. Соня сама чуть не влюбилась этим шедевром перекомбинации хромосом.

Словом, способность Верящей дарить мужчинам надежды не показалась Соне сверхъестественной. «Как хорошо, что Олега здесь нет!» – обрадовалась она и вспомнила, что ей необходимо играть роль.

Соня расправила крылышки и замурлыкала:

– Надежда-а! Надежда-а!

Та сладко потянулась и сексуально выгнула спинку.

– Надежда-а! – повторила Соня, взывая к грешной душе.

– Милый, это ты? – услышала Софья голос, который сразу ее смутил, так как должен был принадлежать настоящему ангелу.

– Раба божия Надежда!

Верящая пошевелилась. Мерцало в темноте пламя свечи.

– Кто там? – недовольно спросила она и открыла глаза.

– Это я! Твой ангел-хранитель!

– Господи всемогущий! – закричала Верящая и набожно перекрестилась.

– Я твой ангел-хранитель! – настойчиво повторила Соня. – Я пришел передать тебе предупреждение Господа!

«О том, как низко пала твоя грешная душонка!» – чуть было не вырвалось из уст, но она вовремя сдержалась.

– Как ты сюда попал?

– Мы, ангелы, – бесплотные существа. Нам нет нужды в греховном теле. Мы можем проникать сквозь любые двери.

– Но я ничего не сделала! Я ни в чем не согрешила! – Похоже, Надежду Любовьевну посетила паника. Соня с удовлетворением отметила этот факт. Еще немного, и наступит искреннее покаяние.

– Как же так? А грех прелюбодеяния?

– Но ведь я отмолила этот грех!

– Знаешь ли ты, что это – один из смертных грехов?

– Да, но Христос прощает все!

– Но ты ведь торговала не только телом, но и душой!

– К-как так, д-душой?

– Ты давала влюбленным в тебя людям надежды, а сама использовала их ради своей красивой жизни!

Соня почувствовала, что чепчик предательски сползает на лоб. Изящным, граничащим со святым величием, взмахом руки она исправила ситуацию.

– Но Христос прощает и такие грехи! Он всех за все про-

щает!

«Ах ты, какая упертая!» – со злостью подумала Софья. – Ну ничего, я тебя достану!»

– Христос прощает лишь тогда, когда человек кается искренне! Ты же, отмолив грехи, тут же отправляешься снова грешить!

– Но потом я снова возвращаюсь в церковь, и мне снова отпускают грехи! А к старости, я знаю точно, я окончательно прекращу прелюбодействовать.

Верящая вновь перекрестилась. Она окончательно вывела Соню из себя. «К старости, ты знаешь точно! Еще бы ты не знала точно!»

– Если ты так делаешь, значит, каешься неискренне! Неужто ты думаешь, что бог будет вечно терпеть твой блуд?

Последнее заявление, видимо, вызвало в Надежде какое-то понимание, и она не на шутку перепугалась.

– Я больше так не буду! – крикнула она. – Честное слово! Клянусь!

– Ты еще смеешь клясться перед лицом посланника бога твоего?! – в ярости воскликнула Софья. – Блудница!!! Ты посмотри, в каком наряде ты спишь! Не говори ничего, молчи, я знаю! Спать в таком наряде доставляет тебе похотливое удовольствие! Ад ждет тебя!

– Нет! Пожалуйста! Не надо в ад! Я исправлюсь!

Соня вошла в роль.

– Молилась ли ты на ночь, Дездемона?! – завопила она и

осеклась, догадавшись, что произнесла фразу совсем не из той оперы.

Но Верящая не обратила на промах ангела-хранителя никакого внимания.

– С этой ночи я начинаю молиться каждый день. Вот сейчас!

Верящая уселась на колени и принялась интенсивно креститься.

– «Отче наш, сущий на небесах»...

Но Соня чересчур разыгралась.

– Прикрой срам, блудница!

Соня протянула к Надежде руку. Она не рассчитала движение, поскользнулась, упала прямо на стоящую рядом с изголовьем кровати тумбочку, на которой покоились разные дезодоранты, флаконы с лаком для ногтей и прочие косметические средства. Тумбочка с грохотом обрушилась на пол. Свеча потухла. Что-то разбилось вдребезги. План был сорван.

– Черт! – в отчаянии с досадой закричала Соня и принялась ощупью искать на полу свечу.

В этот момент грохот раздался откуда-то из-за двери. Завизжала Верящая.

Софье только удалось зажечь свечу, как в спальню ворвался Олег Рыбак. Соня посветила ему в лицо и обнаружила, что отчего-то все в саже.

– Ты меня звал?! – диким голосом спросил Олег.

– Ты позвал черта! – обессиленно застонала Надежда.

Тут до Сони наконец дошло, что произошло, и она решила продолжить игру.

– Да, и черт явился за тобой! Они тоже бесплотные существа!

Олег тоже решил подыграть бывшей актрисе.

– Я чую запах греховной плоти!

– Нет, пожалуйста! Только не в ад!

– Падший ангел Люцифер будет доволен шашлыком, который мы из тебя приготовим в аду! – заявил Олег.

– «Отче наш»... – начала было Верящая.

– Не-ет, – покачала головой Соня. – От нас ты так просто не отделаешься!

– Есть ли хоть что-то, что может спасти мою душу?! – взмолилась Надежда Любовьевна. – Я так не хочу в ад!

– Исповедь, – ответил ангел-хранитель. – Долгий и подробный рассказ обо всех прегрешениях, мелких и крупных, с момента рождения и по сей миг. Тогда мы посоветуемся.

– Хорошо! Хорошо! Позвольте мне только рассказать!

И последовала исповедь. Долгая и нудная. Бесконечное грехопадение в виде грубостей маме и бабушке вкупе с матерными выражениями в детстве, непристойные заигрывания с мальчишками в подростковом возрасте, соблазнение бизнесменов и политиков в едва начавшейся юности. Олег уж начал тайком поглядывать на часы, обеспокоенный тем, что начнет светать и их совсем не сверхъестественная при-

рода будет раскрыта. Свеча догорела, запасной Соня с Олегом не захватили, а потому окончание истории пришлось дослушивать в полной темноте.

Когда небо за окном просветлело, Надежда Любовьевна Верящая наконец изложила всю свою подноготную, насколько она смогла ее вспомнить. Нина Светлинская здесь, конечно, упоминалась, так же как и признание того, что Светлинский был награжден ею очередной несбыточной надеждой. Соня оказалась права, к убийству эта женщина ни малейшего отношения не имела. Нужно было уходить, и фарс пора было срочным образом сворачивать. На совещание времени не оставалось.

– Вот теперь я вижу, что ты покаялась искренне! – сказала Соня.

– Правда?

– Но не обольщайся! Мы будем следить за твоим поведением!

– Да-да! Конечно!

– И сейчас тебе предстоит читать молитву «Отче наш» без остановки в течение часа.

– Конечно!

– Ни секундой меньше!

– Да-да!

– А мы пойдем!

– Конечно!

Соня развернулась. Олег тоже.

– И не забывай, мы следим за тобой!

– Отче наш...

– Ты как умудрился-то сажей вымазаться? – шепнула Соня Олегу на ухо, когда они выбрались из квартиры Верящей.

– Двумя этажами ниже какие-то мальчишки анашу курили, – ответил Олег. – Я решил от них спрятаться. Нечего лишний раз на глаза попадаться. Видишь лесенку на чердак?

– Вижу.

– Так вот, я туда полез. А там не то сажа, не то копоть, стирка теперь предстоит глобальная.

– Стирка – это да, – задумчиво произнесла Соня, вспоминая Таню. – А в общем-то здорово все получилось! Удачно!

– Пойдем скорее отсюда! Кто знает, вдруг Верящая сейчас придет в себя?

– Думаешь?

– Все может быть!

– Переодеться надо.

– Ладно, давай хотя бы на пару этажей спустимся.

Только переодеваясь, Соня обратила внимание, что все это время одно ее крылышко предательски висело, вывернутое самым неестественным образом. Но Верящая, похоже, ничего не заметила.

Глава 4

Следующим номером предстояло проверить Алексея и Марию Приходкиных. Так как следует и не выпавшись после безумной ночи в квартире у Верящей, Соня принялась собираться. Меньше всего на свете ей хотелось получить какие-нибудь известия от Цереберова, а потому Соня решила, что чем раньше она смоется из дома, тем лучше. В качестве нового образа для перевоплощения она выбрала для себя новую роль – роль стервы, любовницы авторитетного в криминальных кругах города человека. Соня отыскиала в своем гардеробе все самое лучшее.

Чета Приходкиных проживала в небольшом частном домике в центре города. Софья постучала в калитку и тут же пожалела, что ввязалась в это дело. Из глубины двора донесся собачий лай, да такой яростный, что Соне захотелось стать невидимкой. Но было поздно. Она сама ввязалась в это дело.

Что-то ударилось о деревянный забор, принялось его царапать и истязать. Лай выдал все то же чудовище. Забор качался, скрипел, трещал, словом, грозился вот-вот рухнуть. Он был достаточно высок, и у Сони не было возможности оценить остроту зубов обитавшей во дворе химеры.

Звук приближающихся шагов.

– А ну пошла прочь отсюда! – гаркнул грубый мужской

голос, и Соня невольно испытала чувство восхищения перед его обладателем. – Шавка!

«Шавкой называет!» – удивилась Соня.

Калитка приоткрылась, и маленький, черненький, быстрый вихрь бросился прямо ей под ноги. Но цели своей не достиг, так как худой сутулый мужчина пнул загадочный клубок ногой на полпути к осуществлению задуманного злодеяния. Соня с изумлением наблюдала за полетом нелепого пса.

– Сейчас я его привяжу, – сказал мужчина. – Извините, думал, кто-то из своих.

Через некоторое время он вернулся.

– Еще раз извините.

– Вы – Алексей Приходкин?

– Да. А вы, простите, кто будете?

«Ишь какой вежливый!» – подумала Софья.

– Меня зовут Лена. Я подруга Иннокентия. Я пришла с вами обсудить один очень важный вопрос.

– Не знаю никакого Иннокентия.

– А вы позвольте мне пройти, я все объясню.

– Ну что ж, проходите.

Маленький черный вихрь рвался с цепи, выделял пируэты в воздухе и надрывал глотку.

– Это – Бяка, – пояснил Приходкин. – Обратите внимание! Маленькая, но чрезвычайно вредная!

– Я заметила.

Приходкин провел актрису в дом, обстановка которого с

одной стороны явно свидетельствовала о невысоком достатке его обладателей, а с другой – о стремлении хозяев к домашнему уюту. Соня, глядя на это, даже не верила, что хозяин – бывший наркоман. Вот к чему может привести истинная любовь!

В скромной гостиной она увидела Марию, девушку явно скромную, совсем не похожую на Надежду Верящую. Маленькая, лишенная всякой женственности, в больших очках, с не очень симпатичной физиономией и прической, напоминающей грачиное гнездо. «Какова же была Нина! – с изумлением подумала Софья. – На видеокассете разглядеть ее как следует возможности не представлялось, хотя, скорее всего, дело тут вовсе не во внешности»...

– Здравствуйте, – сказала Мария. – Извините, я сейчас, – и скрылась в кухне.

Соня отругала себя за то, что никак не могла войти в роль. Не могла заставить себя говорить так, как она задумала. Тяжело было с такими людьми играть роль стервы, которая прознала, что Приходкин задолжал за наркотики некоему барыге, любовницей которого она является и теперь собирается шантажировать бывшего наркомана, попутно пытаясь склонить его к соучастию в убийстве. Даже если Приходкин заявит, что никому ничего не должен, он не сможет доказать, что такого не было, к тому же людям, страдающим наркотической зависимостью, свойственны провалы в памяти. А имя барыги можно и утаить.

– Понимаете, мы с Иннокентием – журналисты, – начала нести ахинею Соня, сама не понимая, что она такое говорит.

– И мы хотим включить в статью реальную историю счастливой семьи.

Приходкин расплылся в улыбке.

– А сама статья – о том, что человек в силах самостоятельно избавиться от наркотической зависимости.

– Так вы все знаете! Но откуда?

Соня понимала, что находится в одном шаге от провала. Стоит ей хоть раз ляпнуть что-то невпопад, и пиши пропало. В лучшем случае ее примут за дурочку.

– Нам сообщил один из пациентов наркологической клиники, где Иннокентий тоже собирал материал для статьи.

– Как его звали?

– Сережа.

– Был у меня такой кореш. А он что, сейчас лечится?

– Да.

– И слава богу! Вы не представляете, какая это страшная штука – наркотики!

Вернулась Мария. Она принесла на подносе три тарелки с жидким супчиком, в котором, кроме нескольких картошинок и пары листочков зелени, ничего не было. Все это чрезвычайно растрогало Соню. Она прониклась к этим людям трепетной любовью и чуть не прослезилась.

– А вы бросили иглу ради любви к Марии, да? – спросила Соня, протягивая руку к тарелке с нарезным батоном.

– Как ни странно, все началось по-другому. Я тогда встречался с одной страшной женщиной, которая в обмен на ночи со мной снабжала меня деньгами на наркотики.

– И где сейчас эта женщина?

– Ее убили. Как это ни грустно, ее убили. Я осознал, что должен попросить у нее прощения и принести ей благодарность, только тогда, когда уже слез с иглы, когда нашел Марию.

Алексей нежно обнял жену, поцеловал ее в лоб.

– Самая любимая! – прошептал он. – Жизнь отдам! Нежная моя! Лапочка!

Слеза таки выступила на левом глазу Софьи. Приходкин тоже плакал. И глаза Марии блестели от счастья.

– Я стал философом, когда слез с иглы, – продолжал Приходкин свою исповедь. – Понимаете, я слез с иглы, потому что терпеть не мог Нину! Я ненавидел ее! И я твердо решил: чем так унижаться, брошу-ка я наркотики! И добровольно сдался в клинику. А там работала медсестра. Мария.

Приходкин поцеловал жену в щечку.

– Ангел мой! Самая святая на свете! Жизнь моя!

Слеза выступила теперь на правом глазу Софьи.

– И мы полюбили друг друга! – воскликнул Приходкин, крепко стискивая жену в объятиях.

Софья, как девушка чуткая, уже вовсю хлюпала носом. Все остальные испытывали не менее бурные чувства.

– Мария помогала мне бороться за жизнь. И я рассказывал

ей о Нине. И Мария сказала мне, что я должен непременно поблагодарить ее за то счастье, которое смог обрести в своей жизни только благодаря ей. Смотрите, как удивительно устроен мир! Я думал, что Нина – кара, ниспосланная мне богом, а оказалось, это была награда! Ведь наркотики не могут сравниться с великой искренней любовью! Никак! И теперь я не пытаюсь сетовать на судьбу, так как понимаю, что никогда не могу знать истинного значения тех сюрпризов, которые она мне преподносит... Но вот, когда я решил отблагодарить Нину, оказалось, что какой-то негодяй ее убил!

Соня слушала его, изумленно затаив дыхание.

– Люди не могут видеть разумность и гармонию этого мира! – вздохнул продолжал Алексей. – Они не видят, что все есть добро, и все есть радость, и все есть красота и вдохновение, а потому держат друг на друга зло. Я понял, о чем толковали святые, чему учил Христос...

«Какой все-таки контраст в мировоззрении со вчерашним! – думала Соня, а у самой аж дух захватывало. – Вот оно какое, просветленье-то!»

– Если бы я мог объяснить этим несчастным убийцам все то, что вижу я! – восклицал, воздевая руки, Приходкин.

– Я напишу статью! – пообещала Соня. – Я напишу статью, чего бы мне это ни стоило!

– Сделайте это! Донесите до людей правду о любви и наркотиках!

– Обязательно! Обязательно!

Соня покидала дом Приходкиных, безудержно рыдая. Ей рыдали вслед. Бесилась Бяка.

И долго еще не могла успокоиться Софья Невзорова. И не только потому, что была искренне тронута историей четы Приходкиных, но и потому, что с того момента, как она принялась за расследование, последнее не сдвинулось ни на йоту, ибо поверить в причастность только что виденных ею людей к убийству было практически невозможно. Тем более Мария все знала о прошлом своего будущего мужа. Значит, Нине не было никакого смысла шантажировать Приходкина.

* * *

Первым делом Соня решила навестить своего клиента, поделиться переполнившими ее душу чувствами, а также обсудить дальнейшую стратегию расследования. Оставался непроверенным всего один подозреваемый, и Соню терзали смутные сомнения, что это такой же тупиковый ход, как и все остальные.

Светлинский был зол и мрачен. Он отвел Софью в гостиную. А там уже попивал чаек Цереберов. Кроме майора, в гостиной присутствовали еще двое. Парень и девушка. Судя по их неприязненным взглядам, бросаемым время от времени в сторону Цереберова, к милиции они никакого отношения не имели.

– А вот и вы, девушка! – воскликнул он. – Может, вы про-

льете свет на тайну, почему Светлинский не брал с собой бухать жену? А то оч-чень подозрительно!

Часы на стене показывали двадцать три минуты четвертого.

– Я не понимаю, о чем вы, – сухо ответила Соня. После Приходкиных ей действительно начало казаться, что все люди вокруг добрые и чуть ли не святые.

– Ну как же! – пафосно усмехнулся Цереберов. – А тут вот до нас такая весть дошла интересная. Один очень солидный человек, сотрудник рекламной компании, занимающий там достаточно крупный пост, заходил к нам в милицию жаловаться. Вроде как двое наших работников оскорбили его. Один из работников – женщина. И описание очень подозрительно совпадает с вашим.

– Не знаю, о чем вы.

– Но это еще не самое интересное! Самое интересное – то, что работает этот человек в той же компании, где работала Нина Светлинская.

– Ну вот и проверяйте его, – огрызнулась Соня. – Я к этому отношения не имею.

– Знаю-знаю! – плотоядно ухмыльнулся Цереберов. – Доказательств у меня пока нет. Никаких. Знать бы, кто этот второй самозванец! Судя по всему – не Владимир Светлинский.

– Почему вы мне это все говорите? – строго спросила Софья.

– Да потому, что не туда вы лезете, девушка!

– Я никуда не лезу. Я, кстати, тоже могу заявить в милицию по поводу оскорбления личности, так как подвергаюсь с вашей стороны нелепым нападкам, а сама остаюсь в полном неведении.

– Ухожу-ухожу! – Цереберов поднялся с дивана. – Но учтите: я все равно докопаюсь до правды! Я узнаю, почему этот молодой человек жену с собой бухать не приглашал! Все это оч-чень подозрительно.

Двадцать восемь минут четвертого. Майор направляется к выходу. Светлинский идет его провожать.

Когда он вернулся, к нему обратился находившийся в гостях молодой человек:

– Я вообще не понимаю, Володя, зачем ты его еще и чаем угощал?

– А ты попробуй не угости, когда он так настаивает! Кстати, познакомьтесь! Софья, это мой приятель Анатолий и его жена, Алина. Когда-то мы все учились в одном классе.

– Очень приятно. Софья.

– Анатолий когда-то мне очень помог. Я, кстати, говорил. Именно с Анатолием мы застали Нину мертвой, – продолжал Владимир. – А Алина подыскала для меня хорошего психиатра. Ведь у меня тогда был настоящий психологический шок!

Супруги показались Соне очень милой парочкой.

– Как продвигается наше расследование? – поинтересо-

вался Светлинский.

– Все подозреваемые сходят со сцены один за другим. Сейчас я вам поведаю массу прелюбопытнейшего.

– А вы молодец! – заметила Алина, когда Софья закончила свой рассказ.

– Сразу видно – талант. Скажите, а это не про вашего приятеля из милиции толковал Цереберов, когда пытался здесь вам вменить в вину неизвестно что?

– Про него, – рассмеялась Соня.

– Надо проверить брата Нины, – подвел итог Владимир. – Он – последний, кто может быть.

– Или не быть, – мрачно заметила Соня.

– Да, быть или не быть – извечный вопрос, – согласился Анатолий.

Скоро гости собрались уходить. Владимир проводил их до двери.

Втроем они вышли на улицу. Соня обратила внимание, что Алина смотрит куда-то в сторону напряженным взглядом.

– Что вы там увидели? – спросила она и догадалась, что бывшая одноклассница Светлинского наблюдает за шагающим вдоль стены дома молодым человеком необычной внешности. Квадратные очки, худая и длинная покачивающаяся фигура, всклокоченные волосы. Он выглядел безумцем.

– Кто это? – спросила Соня.

Алина словно вышла из транса.

– А? Не знаю.

– Просто вы на него обратили внимание, вот я и подумала, что вы его знаете.

– Да нет. Просто он чем-то мне не понравился. Я и сама не поняла, чем. Да ладно. Это все так, пустяки. Пойдемте.

* * *

Последним подозреваемым, которого предстояло проверить, являлся Александр Невезучий, родной брат покойной Нины.

Какую сцену нужно разыграть перед ним, Соня представляла смутно. Творческая фантазия ее иссякла. Владимир сообщил, что Невезучий – криминальный журналист одной из газет. Это наводило на определенные соображения. За годы работы он мог изучить самые изощренные способы совершения преступлений. Соня решила посоветоваться с мамой.

– Ну, журналист – это просто, – сказала Маргарита Ярополковна, выслушав Соню. – Не надо разыгрывать никаких сцен. Один из моих бывших учеников как раз сейчас работает журналистом и, насколько я помню, в той самой газете, где трудится твой Невезучий. Если хочешь, я могу ему позвонить прямо сейчас.

– Было бы очень неплохо, мама, – обрадовалась Соня.

Журналиста звали Семеном Хмельным. Он обещал Маргарите Ярополковне заняться этим вопросом прямо сегодня же вечером и сдержал обещание. Это был лысеющий молодой человек в небольших очках, с сумкой через плечо. Увидев его, Маргарита Ярополковна поморщила нос: Семен явился под хмельком.

– Вы уж извините, мы сегодня в редакции приняли немножко, – покорно склоняя голову, придавая лицу невинное выражение, объяснил он причину своего состояния. – Сегодня нам новый компьютер поставили, мы его обмывали, так сказать.

– Ничего страшного, – улыбнувшись, кивнула Маргарита Ярополковна. – Пойдем, я познакомлю тебя со своей дочерью.

Когда Хмельной появился в гостиной, Соня привстала.

– Сема, – представился Хмельной.

– Соня.

Тут Хмельной снова смутился, покраснел и сказал:

– Я подумал, что неприлично идти в гости с пустыми руками, а потому принес бутылку вина.

Маргарита Ярополковна буквально расстреляла своего бывшего ученика суровым взглядом.

– Понимаете, – оправдывался Семен, – я выпил совсем

немного. Чуть-чуть.

– Спасибо, что откликнулся на просьбу, – сказала бывшая учительница. – Прошу к столу.

Хмельной, испытывая неловкость, уселся за стол. Маргарита Ярополковна подъехала на инвалидном кресле к серванту и вынула оттуда три хрустальных бокала. От неловкости Семена не осталось и следа. Он сразу повеселел, порозовел и ловким движением фокусника, вынимающего кролика из шляпы, достал из сумки бутылку явно крепкого красного вина. Маргарита Ярополковна покачала головой.

Словно заправской бармен, Хмельной принялся наполнять бокалы. Соня отметила, что ей самой и матери журналист наполнил емкость с соблюдением всех правил, а себе – почти до краев.

– Сонечка, расскажи гостю о своей проблеме, – попробовала ввести разговор в нужное русло Маргарита Ярополковна.

– Может, сначала позволить гостю выпить вина? – обеспокоенно спросила Соня и вдруг заметила, что бокал свой тот уже опустошил и с целомудренным личиком наполняет его по новой.

– Рассказывайте, рассказывайте! – живо отозвался Хмельной. – Ведь, собственно, за этим я и пришел!

Соня изложила свою историю. Тем временем гость успел выпить еще. Вина в бутылке оставалось катастрофически мало. Семен наполнил бокал Маргариты Ярополковны, Со-

не не хватило.

– Не беспокойтесь! – с широкой улыбкой заявил журналист. – Эту ситуацию я предусмотрел!

И тут же откуда ни возьмись на столе появилась вторая бутылка.

– Собственно говоря, проблемы и нет никакой, – разглагольствовал Хмельной, опустошая очередной бокал. – Как раз завтра среди журналистов состоится пьянка, то есть я хотел сказать, банкет. Ваш Невезучий будет там. Так что я приглашаю.

– Опять пьянка? – изумилась Маргарита Ярополковна.

– Нет, банкет.

– Я не о том. Я о том, что сегодня вы с журналистами что-то отмечали, когда я тебе звонила, ты сказал, что болит голова после того, как вы отмечали что-то позавчера, а теперь ты говоришь, что будет что-то и завтра. Мне это кажется странным.

– Ну кто же виноват, что этим летом столько важных событий подряд! Знаете, как я мучаюсь по вечерам, размышляя о предстоящем утре и проклиная эту черную полосу банкетов, спрашивая у бога, когда это все кончится. Но как только я успокаиваюсь и думаю, что это последнее сборище, каким-то чудом появляется что-то еще. Я не знаю, как с этим бороться!

– А завтра-то вы что отмечать собираетесь?

– Одна из наших сотрудниц сняла квартиру в самом цен-

тре города. Планируется новоселье.

– А я не окажусь там лишней? – спросила Соня.

– Что ты! Ты придешь со мной. Я скажу, что назначил тебе встречу, а потом неожиданно свалилась на голову эта новость о новоселье, и мне ничего не оставалось, как взять тебя с собой на праздник.

– Что за человек этот Невезучий?

– Это очень мрачный тип. Бесчисленные кровавые зрелища на местах криминальных разборок и прочих преступлений сделали его таким.

«Вполне подходящая кандидатура на роль убийцы», – подумала Соня.

– К тому же он постоянно страдает с похмелья, – добавил Семен.

– А это с чем связано?

– Невезучий, он и есть невезучий, – усмехнулся каламбур Хмельной. – Только подходит время опохмелки, а тут – вызов! Представляете себе, каково ему там, на месте происшествия, приходится? Мало того, что обстановка там совсем не как в каком-нибудь райском уголке, вроде пивнушки, так еще и похмелье! Оттого Невезучий еще злее становится. Бр-р-р! Другое дело – я. Я журналист светских хроник. Если у меня и вызов, так в сугубо приятные места, банкеты там всякие, вечеринки... А потому я добрый.

– Как же мы поступим?

– Давай я тебя встречу.

– Где?

– У фонтана, что у Крытого рынка. Завтра в три.

– Идет.

– Ну вот и ладушки.

* * *

На рынке пестрая толпа людей сновала в поисках нужного товара. Соня с трудом протискивалась между рядами. Наконец ей удалось выбраться к фонтану. Хмельной пил пиво.

– Привет!

– Привет. А сейчас какой повод для выпивки? Новоселье ведь еще не наступило.

– А я просто шел по улице и десятку нашел. Поднимаю голову, а там щит – реклама пива. Я и решил, что это знак свыше. То есть десятку надо потратить на пиво. А то потом события самым нежелательным образом повернуться могут. Я всегда прислушиваюсь к знакам свыше.

– А какие еще знаки могут быть?

– Ну вот, например, как-то еду я в автобусе и слышу старушечий голос: «Займи, но выпей!» Я подумал, с чего это она мне вдруг такое советует. А потом оказалось – это она другой старушке говорила, про лекарства. Мол, займи у кого-нибудь денег на лекарства, но выпей их обязательно. Старушки, они, знаешь, порой не совсем правильно синтаксические конструкции строят. Но я все равно сразу понял, что

это был знак свыше. Займи, но выпей! Я занял и выпил. А то кто знает, куда бы меня занесло, если бы я пить не стал, может, в такое дерьмо вляпался бы...

– Весело. Ну как, мы идем?

– Конечно!

* * *

Новоселье было в разгаре. Хотя, по идее, гости должны были только-только начать приходить. На Сонину персону никто не обратил внимания.

– Смотри! – шепотом сказал ей Хмельной, указывая пальцем на плакат с изображением какой-то попсовой звезды. Плакат сопровождался лозунгом: «Давай сразу!»

– Это означает, – пояснил журналист, – что начинать пить надо сразу, а то кто знает, каким образом потом цепь случайных событий повернется? Стану как этот Невезучий! Кстати, как он тебе?

Хмельной наполнял свою рюмку водкой.

– Я его в лицо никогда не видела! Откуда я могу знать?

– И правда. Извини, я что-то не подумал. Вот он!

Невезучий выглядел поистине трагично. Он напоминал озлобленного пса, которого хозяин никогда не пускает в дом, даже зимой. Лохматый, с потухшим взглядом, впалыми щеками.

На нем был серенький в клеточку костюм, мятый и явно

очень дешевый. Мрачно созерцал Невезучий пустой бокал, и никто не собирался его ему наполнить.

«И Нина оказалась невезучей, – рассуждала Софья, – и отец их вот-вот умрет! Словно какое-то проклятие на их роду!»

– Мне даже страшно заводить с ним разговор! – прошептала Соня.

– Да. Он ведь и послать может! – согласился Хмельной, наливая себе вторую рюмку.

Невезучий, по-видимому, не выдержал и решил налить себе сам. Бутылка выскользнула у него из рук и упала на пол и вдребезги разбилась.

– Не повезло! – угрюмо, словно оправдываясь, изрек Невезучий.

Прибежала виновница торжества.

– Ну вот, как всегда! – констатировала она. – Опять у Санька все из рук валится!

Невезучий молчал.

– Ладно, ты мой гость, – продолжала хозяйка. – Не беспокойся, сейчас я уберу. Только в следующий раз, когда захочешь налить, попроси кого-нибудь.

– Так никто не откликается! – воскликнул Невезучий, обращаясь к компании. – Я прошу, а никто не откликается.

Никто не откликнулся и в этот раз. Невезучий поник.

– Ты можешь меня ему представить? – спросила Соня Хмельного.

– А как?

– Скажи, что я пишу детективы, узнала о том, что он – криминальный журналист, и хочу с ним посоветоваться.

– Одну секунду.

Хмельной поднялся с места и направился к Невезучему. Они о чем-то посоветовались и вскоре позвонили Соню.

Какой-то парень освободил место, Софья уселась по правую руку от Невезучего. «Могли бы сами ко мне подойти!» – подумала она, возмущаясь бестактностью брата покойной Нины.

– Александр Невезучий! – представился последний из списка подозреваемых и протянул Софье руку. При этом он умудрился угодить локтем в салатницу.

Соня назвала свое имя и отметила, что даже со списком подозреваемых этому человеку не повезло: в нем он оказался последним.

– Понимаете, я пишу детективы, и у меня сейчас загвоздка по сюжету. Вы хорошо знакомы с криминалом и, возможно, сможете дать мне дельный совет.

– С удовольствием.

– А дело, собственно говоря, вот в чем. У меня по сюжету преступник проникает в дом, совершает кражу и незаметно этот дом покидает. При этом все ходы и выходы к моменту прихода милиции оказываются идеально запертыми изнутри. Как вы думаете, что тут можно придумать?

Невезучий вскинул брови.

– В смысле?

– Ну как вам объяснить? Нужен способ, который помог бы преступнику проникнуть в дом, а потом покинуть его, оставив двери и окна закрытыми.

– А много уже написали?

– Прилично.

– А когда писать начинали, вы об этом обо всем не подумали?

– Да вот как-то нет.

– Создается впечатление, что вы работаете следующим образом – сначала пишете, а потом думаете.

– Именно так и работаем.

– Странно.

– Ничего странного. Понимаете, рыночная экономика, бешеный ритм жизни...

– А-а-а...

– Так вы ничего не подскажете?

– Знаете, примерно так преступник проник в дом моей сестры и убил ее.

Соня тут же зафиксировала внимание на выражении лица Невезучего. Но тот говорил спокойно и с грустью.

Было не похоже, что он имеет отношение к убийству.

– Она, как и я, оказалась невезучей, – завершил мысль Александр, и было непонятно, с маленькой или большой буквы писалось бы последнее слово в его заявлении. Соня предположила, что с маленькой.

– Но у вас были хоть какие-нибудь версии на этот счет? Невезучий покачал головой.

– В общем-то я считаю, что подобное невозможно.

– Что же делать?

– Я много размышлял над моментом убийства моей сестры и пришел к выводу, что преступник никуда сверхъестественным образом не проникал и ниоткуда не смывался. Возможно, это кто-то из тех, кто обнаружил труп, или кто-то из близких знакомых Нины, кого несчастная пустила к себе в дом, и он потом прятался где-то, пока не появилась возможность уйти. Какая теперь разница? Все равно сестру мою не вернуть. Хотя она была и не очень хорошим человеком... Подумайте над такой вот сюжетной линией.

– Я обязательно подумаю.

«А может, это все-таки он, – не теряла надежды Софья. – Может, на самом деле он смог каким-нибудь образом пролезть в эту форточку...»

– Позвольте, я отлучусь ненадолго, – оборвал Сонины размышления Невезучий.

В руках его появились костыли, которые он все это время прятал где-то под столом. Затем Невезучий поднялся с места, и Соня увидела, что одна нога у него напрочь отсутствует.

– Это как же? – удивленно спросила она у Хмельного, который вливал в себя очередную рюмку водки.

– Так. На место приехали, там террористы бомбу заложил.

ли. Она и взорвалась. Все успели лечь, а Саньку не повезло.

– И давно это случилось?

– Давно. Года два как...

Раздался грохот. Это Невезучий задел костылем стул. Список подозреваемых накрылся. Не мог человек без ноги забраться на девятый этаж и проникнуть в форточку. А если еще принять во внимание свойственное ему невезение... У Сони мелькнула мысль, что Невезучий мог нанять киллера. Это была последняя соломинка, за которую цепляется утопающий. Однако, взглянув на костюм Невезучего, сыщица решила, что этому человеку наверняка порой на бутылку пива денег не хватает, не то что на киллера.

Вернулся Невезучий и подозвал девушку, новоселье которой здесь справляли. Соня краем уха услышала его слова:

– Понимаешь, ручка у бачка отлетела...

Расследование зашло в тупик.

* * *

– Что ж ты сразу не сказал, что у Невезучего ноги нет? – укоризненно спросила Соня у еле держащегося на ногах Хмельного, когда они покинули квартиру.

– А зачем?

– Я бы тогда, может, не стала продолжать расследование. Ты ведь объяснял, что он невезучий, почему ты при этом молчал о ноге, а рассказывал о похмелье?

– Так ведь невезение в похмелье ярче всего проявляется... Эх-х-х, тут меня один товарищ на рыбалку зовет. Завтра с утра. И когда это все кончится?..

Глава 5

Соня находилась дома у Светлинского.

– А что, если все-таки Анатолий? – задала вопрос Соня.

– Нет, что ты! Анатолий? Быть не может! Он – верный друг!

– А если все-таки его проверить?

– Я, право, даже не знаю. Вообще-то он присоединился к нашей компании позже, во сколько и когда, не помню.

– Вы не забыли о Цереберове?

Фамилия майора подействовала на Владимира магическим образом.

– Каковы ваши дальнейшие действия?

– Я намерена разузнать об этом человеке побольше. Кстати, где он работает?

– В пожарной службе.

– Что же вы раньше-то молчали?!

– Не понял.

– Кто имеет больше возможностей, чем пожарник, забраться наверх девятиэтажного здания?

– Не знаю!

– Так вот. Если Анатолий вступил в сговор с кем-нибудь из своих коллег... Непонятно, правда, в таком случае, какая ему самому личная выгода во всем этом, но тут нетрудно разобраться. Вы знаете график дежурств Анатолия?

– Для чего?

– Чтобы не натолкнуться на него, когда я заявлюсь в пожарную службу.

– Сегодня он работает в дневную смену. Если вы явитесь после семи...

– Так, пожалуй, я и сделаю.

* * *

На этот раз Соня решила прикинуться этакой полусумашедшей дамочкой с навязчивыми идеями. Потренировавшись дома, она решила, что вполне может вписаться в соответствующий образ.

– Мне нужно посоветоваться с пожарником, – кокетливо надув губки, сообщила она вахтеру за решеткой, лицо которого оставалось в тени.

– С каким пожарником? – удивился тот.

– Который может проконсультировать.

– О чем?!

– О том, насколько пожарная служба может оказать мне помощь на тот случай, если у меня в квартире случится пожар.

– С чего вы решили, что у вас может случиться пожар?

– А с чего мне решить, что он не может случиться?

– Но он ведь пока не случился, не так ли?

– Может нагрянуть в любой момент.

– Этого не может быть!

– Уверяю вас, может!

– На то есть какие-то причины?

– Да. По статистике, в сутки в городе случается до десяти случаев возгорания зданий.

Цифру Соня назвала наугад.

– При чем тут статистика?! Какого черта вы морочите мне голову?

– Ничего я не морочу. Просто хочу быть уверена.

– У вас есть дети?

– При чем тут дети?

– Дети, которые играют со спичками.

– Нету у меня никаких детей.

– Тогда, может, сумасшедший родственник или у вас с плитой газовой что-то не то? Но в этом случае вам лучше обратиться в Горгаз.

– С плитой у меня все в порядке, и никаких сумасшедших родственников нет.

– Да вы, я гляжу, сами сумасшедшая!

– Послушайте, я могу пожаловаться в соответствующие инстанции, если вы сейчас же не позволите мне получить консультацию!

– Жалуйтесь!

– Я позвоню Альберту Ивановичу. Он в прокуратуре работает. Дядя мой, – в порыве вдохновения сочинила Сонечка.

Слово «прокуратура» возымело удивительный эффект.

– Погодите, я свяжусь с центральным отделом, проконсультируюсь, – сказал вахтер.

– Уж пожалуйста.

– Сейчас подойдет консультант, – после минутной беседы, которая почему-то оказалась настолько насыщенной матом, что не стоит ее воспроизводить, сообщил вахтер. Соня замерла в ожидании.

Через некоторое время вниз по лестнице спустился маленький мужичок с удивительно густыми усами и на редкость чумазой мордой. На нем была оранжевая форма пожарника.

– Шо такое? – грубо спросил он, и усы его дернулись кверху.

– Вот, проконсультируй ее, – зло сказал вахтер.

– Кого?

– Вот эту дамочку.

Пожарник подозрительно скосил глаза на Соню, и усы его при этом тоже покосились. «Какая богатая мимика! – восхищенно подумала Соня. – Ему бы только в театре играть!»

– Пойдем! – сказал пожарник и положил руку Соне на плечо, как будто бы собирался отвести ее в сторонку, чтобы надавать по морде. Сыщица поежилась, но тут же взяла себя в руки.

Пожарник вывел ее на улицу.

– Шо за проблема?

– Я боюсь, что в случае чего пожарная служба не сможет оказать мне помощь.

– Сможет, еще как сможет! Ты только не бойсь!

– А я боюсь. Вот у меня квартира на девятом этаже. Если она загорится, сможете вы туда забраться?

– Заберемся, заберемся.

– По пожарной лестнице?

– По ней самой, родимой!

У Сони начало складываться впечатление, что с ней разговаривают как с душевнобольной. Впрочем, именно такой она себя и показала.

– А если у меня все окна и двери заперты будут и я по какой-нибудь причине их отворить не смогу, меня спасут?

– Непременно спасут! – пожарник выпучил глаза от усердия.

– А ничего не поломают?

– Совсем ничего.

– А смогут сделать так, чтобы я даже не заметила, что кто-то приходил? – ехидно спросила Соня.

– Обязательно!

– Вы надо мной издеваетесь!

– Нисколько!

Пожарник говорил, а усы словно подтверждали его слова.

В этот момент из здания пожарной службы вышел здоровенный мужик с погонами.

– В чем дело? – рявкнул он на пожарника, с которым вела

беседу Софья.

– Консультируем гражданку! – вытягиваясь по стойке «смирно», отрапортовал тот.

Не зная, что еще придумать, Соня пустила слезу.

– Он мне правду говорить не хочет! – жалобно протянула она, заглянула человеку в погонах в глаза, пытаясь вложить в этот взгляд как можно больше обаяния.

Это произвело впечатление.

– Василий! – строго обратился он к усатому, который, судя по всему, являлся его подчиненным. – Это как понимать?

– Я ей объясняю принципы работы нашей службы.

– Плохо объясняешь! Не так с девушкой разговаривать следует!

Человек в погонах взял Соню под ручку.

– Пойдемте ко мне в кабинет. Я вам все объясню, насколько это в моих силах.

– Хам! – не удержалась от высказывания своих соображений в сторону усатого пожарника Соня.

– Эх ты, Василий, Василий! – укоризненно покачал головой начальник. – Потому-то ты до сих пор холостым ходишь, что с женщинами не умеешь разговаривать! Эх, ты!

Человек в погонах представился:

– Слонов Алексей Петрович!

Звучало это так, будто он отчитывался перед генералитетом.

– Лена... – назвала Соня первое пришедшее на ум имя.

* * *

– Так в чем у вас проблема, Леночка? – спросил Алексей Петрович, когда Соня прошла в его кабинет.

– Я боюсь, что живу в таком месте, где пожарники в случае чего не смогут прийти ко мне на помощь.

– И что же это за место?

– Девятый этаж.

– А вы в милицию еще не ходили? – усмехнулся Алексей Петрович.

– А милиция при чем?

– Так ведь наверняка к вам и хулиганы могут пристать как-нибудь. Должны же вы проконсультироваться были и у милиционеров, смогут ли они в случае чего прийти к вам на помощь!

– Вот и вы тоже издеваетесь!

– Нисколько. Просто у вас навязчивые идеи, и я пытаюсь выяснить, как далеко они простираются.

– Не дальше пожаров.

– Это уже хорошо. Скажите, а почему именно пожары?

– Статистика...

– Какая статистика?

– До десяти случаев в сутки.

– Уверяю вас, никаких десяти случаев в сутки. Сейчас я покажу вам отчет работы службы за последний месяц.

Слонов принялся рыться у себя в столе. Вскоре он извлек на свет божий какую-то папку.

– Вот, смотрите! Сегодня ни одного случая. Вчера – ни одного! Позавчера – один. Ни одного, ни одного, ни одного, два, ни одного... Вот, всего один день, когда было целых три случая. А вы говорите: статистика!

– А можно я наугад выберу день в прошлом, чтобы убедиться, что у вас не настала банальная белая полоса?

– Пожалуйста.

И Соня открыла журнал на странице с датой смерти Нины Светлинской. Алексей Петрович встал с места, подошел к Соне и заглянул ей через плечо.

– Ни одного случая! – радостно заметил он.

– Однако вызовы-то наверняка были.

– Но это все ложные вызовы.

– А есть соответствующая документация?

– Можно отыскать.

Алексей Петрович тяжело вздохнул.

– Но учтите, только ради вас! Чтобы потом не думали, что в пожарной службе одни хамы. Подождите меня здесь, я сейчас.

Алексей Петрович удалился. Вернулся он через десять минут с кипой пухлых папок в руках.

– На все случаи жизни! – пояснил он. – Чтобы ваша душенька наконец успокоилась и мне не пришлось больше бегать. Вот. Видите, вызовов мало. Детишки балуются порой,

иногда что-то и загорается, но потом выясняется, что пустяки, помощь даже не требовалась. Просто люди в панику впали. Мы, конечно, реагируем на все вызовы, так как не можем рисковать жизнью людей.

– А на тот день, который я выбрала, можно посмотреть?

– Конечно!

К удивлению Сони, как раз на тот день не было зарегистрировано ни одного вызова.

– А если вызовов нет, вы просто так тут сидите или по городу патрулируете? – осведомилась Соня.

– К чему нам патрулировать?

– Ну не знаю, быть может, так проще...

– Нет, проще – когда вся команда на месте, и в любой момент ее можно собрать и направить по вызову.

– И инвентарь пожарный на месте?

– На месте... Только я не понимаю...

Зато Соня теперь прекрасно понимала. Понимала, что по крайней мере пожарной лестницей в день смерти Светлинской вряд ли кто пользовался.

– Послушайте! – оборвал ход ее рассуждений Алексей Петрович. – Мне кажется, никакая вы на самом деле не сумасшедшая и вопросы эти задаете неспроста.

Соня догадалась, что ее разоблачили, темнить смысла не было, а потому она усмехнулась и нагло заявила:

– А вы сразу об этом не догадались?

– Честно говоря, нет.

– И слава богу!

– Но кто вы в таком случае?

– Я частный детектив. Если вы согласитесь мне помочь...

– Что вы расследуете?

– Убийство.

– Подозреваете кого-то из наших?

– На данный момент – да.

– Что ж, я вас слушаю.

– А вы обещаете, что все останется между нами?

– Торжественно!

И Соня изложила Алексею Петровичу все свои соображения.

– Да-а... – протянул Алексей Петрович. – Не знаю даже, чем могу вам помочь. Чисто теоретически, конечно, пожарный проникнуть в дом может. Но вот как вы описали этот момент с форточкой... Знаете, скажу честно, для меня это все чистой воды загадка. Даже пожарный не обладает такими способностями, как вы описали. Все, что я могу вам предложить, – список фамилий тех, кто на момент убийства отсутствовал на дежурстве. Ну и адреса, конечно. А дальше уж разбирайтесь сами.

– Я была бы весьма вам благодарна. Но вот еще один момент. Те, кто находился на дежурстве, они никак не могли?

Слонов покачал головой.

– У нас с этим все предельно строго. Во время работы если кого-то и отпускаем, все это непременно регистрируется

и проверяется. Сейчас мы узнаем, не отпускали ли кого-нибудь и не пропустил ли кто-нибудь тогда вахту. Я, кстати, притащил журналы и с такой информацией.

Алексей Петрович уткнулся носом в документы. Он копался в них сосредоточенно, словно крот. Наконец Слонов поднял голову.

– Нет, – сказал он. – В тот день все было в порядке. Честно говоря, я вообще сомневаюсь, что вы ищете в нужном месте.

– Вы предоставите мне список фамилий?

– Конечно.

* * *

Слонов проводил Соню до выхода. Там они встретили Василия, который курил папиросу и оживленно трепался о чем-то со своим коллегой.

– Ну как, убедили девушку? – усмехнулся Василий.

– Убедил.

– Послушайте, а этот Василий в тот день находился на дежурстве? – спросила Соня Алексея Петровича. – Я записывала фамилию какого-то Василия...

– У нас их два. Как фамилия у того, которого вы только что записали?

– Долгов.

– Это как раз он! Только проверять его не стоит.

– Это почему?

– А он лазать вообще не умеет. Это у нас такой сотрудник, вроде как пожарник, а на самом деле – недопожарник.

Василий слушал их, широко разинув рот.

– Значит, не мог он такой подвиг совершить?

– Ни в коем случае.

– Увольнять его не собираетесь? – спросила Соня и шутливо подмигнула Алексею Петровичу.

– Пора бы давно, да жалко.

Софья попрощалась с Алексеем Петровичем и направилась к автобусной остановке. Она успела услышать обрывки фраз, донесшихся ей вслед.

– Она что, не сумасшедшая? – спрашивал Василий.

– Она из инспекционной проверки, – отвечал Слонов.

* * *

Софья проснулась на следующее утро и отправилась на кухню завтракать. За столом в своем инвалидном кресле уже сидела мама, почему-то с траурным лицом.

– Что-то случилось? – спросила Соня.

– Да, дочка.

– Мама, ты меня пугаешь!

– Случилось несчастье.

– Да что ты такое говоришь!

– Тебя вызывают в отделение милиции. Просят явиться к двенадцати.

Соня недоуменно посмотрела на мать.

– Какого числа?

– Сегодня!

Соня схватилась за голову.

– Где эта повестка? Дай прочитать!

– Там, в гостиной.

На журнальном столике лежала смятая бумажка. Соня быстренько пробежала по ней глазами. Особое внимание ее привлекла подпись в конце: Михаил Александрович Цереберов. Явка обязательна. Почему последняя фраза была приписана после подписи, Софья не знала.

– У-у-у!!! – взвыла она. – Ну что ж поделать, придется идти...

* * *

Соня явилась в отделение, показала милиционерам повестку, и ей объяснили, как пройти в кабинет Цереберова. Там уже тосковал, сложив руки на коленях, один ее знакомый. Владимир Светлинский.

– Все в сборе! – широко улыбаясь, прокомментировал Цереберов. – А известно вам, гражданка Невзорова, что произошло одно очень неприятное событие?

– Мне ничего неизвестно.

– И мне кажется, что все это связано вот с этим молодым человеком, который почему-то не брал с собой бухать жену,

а также с вами. Оч-чень подозрительно.

Часы показывали четыре минуты первого.

– Да не томи ты, начальник! – в отчаянии воскликнул Светлинский.

– Все очень просто. – Цереберов встал и принялся расхаживать по кабинету взад-вперед. – Ваш друг, гражданин Светлинский, некий Анатолий Галькин, найден мертвым вчера вечером у себя дома. С перерезанным горлом. Опять таинственное проникновение в квартиру. Пятый этаж. Никаких следов преступник не оставил. Жена его гражданская это сделать не могла, так как выезжала по работе в область. И тому имеются свидетельства ее коллег. Сейчас несчастная женщина в трансе. У меня имеется подозрение, что вы, гражданин Светлинский, надумали устранить его как свидетеля.

– И каким же образом, по-вашему, мне удалось проникнуть в его квартиру?

– Это уж вам лучше знать.

– Вы хоть понимаете нелепость ситуации? – вмешалась в разговор Софья. – Предположим, Нину убил мой клиент, и Анатолий был тому свидетелем. Неважно, что не совпадают данные посмертной экспертизы, указывающие время совершения преступления. Опустим пока эту деталь. Версия, получается, такая. В квартиру никто не проникал. Но тогда как вы объясните второй случай? Ведь даже если Светлинский и совершил это преступление, покинуть квартиру таинственным, я бы даже сказала, мистическим образом, не оставив

никаких следов, он никак не мог. Кстати, в доме была форточка?

– В доме было открытое окно. Но это ни о чем не говорит. Жена Галькина сообщила, что они всегда держат это окно летом открытым.

– А кто обнаружил труп? – спросил Владимир. – Алина?

– Да, она. А что, вы подозреваете ее? Напрасно. Экспертиза показала, что убийство было совершено многим раньше того момента, когда жена Галькина вернулась из командировки в область.

– Что-то мне вся эта цепь удивительных алиби кажется подозрительной, – не сдержалась Соня.

– Верно. Оч-чень подозрительно! – отозвался Цереберов. – Особенно то, что Светлинский не брал с собой бухать жену.

Часы Сони показывали восемь минут первого, и «частный детектив» радостно отметила, что майор наконец выбился из своего естественного ритма.

– Да что вы прицепились к этому «не брал бухать»! – не выдержав, воскликнул Светлинский.

– Потому что это оч-чень подозрительно!

– А почему вы все время повторяете «оч-чень подозрительно»? – съязвила Соня. – Та-ак... – Цереберов нахмурился и уставился на Софью пристальным взглядом. – А вы знаете, девушка, что у меня для вас кое-что отдельное ко всему прочему имеется?

Сыщица молчала.

– Тут произошел удивительный случай. К нам обращался священник городской церкви. К нему приходила перепуганная женщина, которая утверждала, что к ней приходил ангел-хранитель в компании с чертом. Священник оказался атеистом, работал в церкви потому, что сумасшедшая родная бабка, когда он еще был мальчиком, отправила его в приходскую школу. Так профессия на всю жизнь и осталась. Тем не менее священник этот – человек, в общем-то, неплохой и о душевном здоровье своих прихожан заботится. Он объяснил девушке, что ангелы-хранители в компании с чертями не гуляют, а также что при жизни они простым смертным не угрожают. Суд божий может состояться только на небесах. А потому он отвел девушку в милицию, считая, что она столкнулась с простыми мошенниками. И знаете, описание их подозрительным образом сходится с описанием тех товарищей, которые пытались вмешаться в личную жизнь гражданина Кутузкина.

– Ну и что?

– А зачем, по-вашему, может понадобиться людям заставить наивную девушку исповедоваться перед ними?

– Откуда я знаю?

– Для того, чтобы провести расследование. Логично?

– Может быть.

– Так же логично, что оч-чень подозрителен тот факт, что господин Светлинский никогда не брал с собой бухать жену.

Соня глянула на часы. Восемь минут первого. Она приложила часы к уху. Тиканья не послышалось. «Нет, не выбивается Цереберов из своего ритма», – грустно подумала Соня. «Часы у гражданки Невзоровой остановились», – злорадно подумал Цереберов.

– Скажите! – вернулась к беседе Софья. – У вас есть какие-нибудь веские аргументы для нашего задержания?

– Пока нет, но обязательно появятся. Даже не думайте! Мои сыщики рыщут кругом!

– В таком случае мы больше не желаем тут оставаться.

– Как хотите. Я обязан проводить вас до выхода. Позвольте мне собраться.

Цереберов оказался чрезвычайно вредным человеком. Собирался он оч-чень долго, а потом оч-чень долго, периодически останавливаясь, чтобы перекинуться мнением о погоде с каждым встречным-поперечным, провожал до выхода. За это время он успел дважды намекнуть, что не брать с собой жену бухать – оч-чень подозрительная черта характера. Отсюда Соня смогла сделать вывод, что прошло более десяти минут.

На выходе из участка Светлинский сказал Соне:

– Мне нужно навестить Алину, поговорить с ней. Не хочешь со мной?

– Можно. Заодно получим дополнительную информацию.

– Это далеко?

– Не очень. Можно пройти пешком.

– С удовольствием.

* * *

Пока Алина откроет дверь, пришлось ждать минут пять. Она была вся в черном. Из глаз лились слезы. Светлинский обнял бывшую одноклассницу, и все трое прошли в гостиную.

– Не понимаю, как это могло произойти, – говорила она. – Как ты думаешь, между смертью твоей жены и смертью Анатолия есть что-то общее?

Светлинский пожал плечами.

– Почерк убийств совпадает, значит, вполне возможно, что да.

– Я не знаю, как мне теперь жить дальше! Просто не имею представления! Я никогда теперь не смогу быть с другим мужчиной!

Светлинский прижал Алину к себе.

– Ну что ты, успокойся!

Почему-то Соне захотелось оставить их на время одних, и она спросила хозяйку, где находится уборная. Алина подробно объяснила, и сыщица отправилась в «задумчивый кабинет».

На самом деле нашей героине там было делать вовсе нечего. Соня в растерянности застыла, не представляя себе, как быть дальше. Это позже она догадается, что привели ее сю-

да природная интуиция и предрасположенность к профессии частного детектива. Сейчас же Софья неизвестно зачем открыла кран и принялась мыть руки.

Потом она осмотрелась по сторонам и увидела в углу мусорное ведро. Почему-то взгляд остановился на нем и вызвал смутное беспокойство. Соня решила проверить, в чем же дело. И увидела, что в ведре помимо обычного мусора находятся обрывки исписанных тетрадных листов. «Похоже на какое-то порванное письмо», – подумала она. Еще через несколько секунд внутренний голос подсказал ей, что в письме этом содержится нечто очень важное для расследования. Пересилив брезгливость, Соня принялась выуживать клочки бумаги из ведра и складывать в карман. После этого девушка тщательно вымыла руки и покинула помещение. Соня пока сама не понимала, какой важный шаг на пути расследования только что совершила.

Алина продолжала рыдать. Светлинский ее утешал и поглаживал по спине. Со стороны они казались парочкой влюбленных, встретившихся после долгой разлуки. Почувствовав присутствие Сони, Светлинский с Алиной испуганно отстранились друг от друга.

– Не хотите осмотреть квартиру? – спросила Алина. – Вы ведь занимаетесь частным расследованием, так, быть может, вы поможете и мне?

– Конечно, – согласилась Софья. – Помимо открытого окна у преступника не было других возможностей проникнуть

в дом?

– Если вы не полагаете, что он обладает способностями призрака или привидения, то нет.

– А где это окно?

– Пойдемте, покажу.

Окно находилось в спальне.

«Одно убийство в спальне, другое – тоже», – думала Соня. – Нет ли здесь какого подвоха?»

Соня выглянула в окно. «Высоко!» – подумала она. Внизу располагался чрезвычайно узкий карниз, и до него было не менее трех метров. Человек дотянуться до него никак не сможет. Чуть повыше находился, правда, выступ, еще уже. Устоять на таком выступе мог разве что карлик. «Либо великан, либо карлик» – мелькало в голове Сони. – Либо призрак». Ответ на этот вопрос она могла дать только сама, удачно завершив расследование. Соня решила не торопиться с выводами.

– Абсолютно невозможно, правда? – спросила Алина.

– Если только по пожарной лестнице, – глухо отозвался Светлинский. – И то представления не имею, поднимается ли она до такой высоты.

– Скорее всего, нет, – ответила Алина.

– Честно говоря, мы уже начали подозревать Анатолия в убийстве Нины, – признался Владимир.

– Это точно не он, – заметила Алина.

– А может, кто-то из его сослуживцев? – предположил

Владимир.

Соня поморщилась. Меньше всего на свете ей хотелось проверять длинный и нудный список подозреваемых среди пожарных, тем более что у Анатолия теперь самое безупречное алиби.

– Как поживает Цереберов? – осведомилась Алина.

– Он меня достал! – ответил Светлинский. – Но пока у него на меня ничего нет. Однако такое ощущение, что он что-то знает, и, если к этому присовокупятся какие-то доказательства, меня можно упрятать за решетку. Но ведь я на самом деле ничего не сделал!

– Будем надеяться, что мы его опередим, сумеем отыскать настоящего преступника быстрее, – сказала Софья.

Дома Соня занялась сложной и кропотливой работой. Разложив на столе кусочки бумаги, которые она обнаружила в мусорном ведре, словно мозаику, она первым делом предавалась сожалениям о том, что нельзя бумагу помыть. А также о том, что не всякий запах воспринимается человеком как приятный. Другое дело – запах ароматических палочек... «Эх, помедитировать бы сейчас», – подумала Соня и отправилась медитировать.

«МЕДИТАЦИЯ ОТСТРАНЕНИЯ ОТ НЕГАТИВНЫХ ЭМОЦИЙ, ВЫЗЫВАЕМЫХ ВНЕШНИМИ ФАКТОРАМИ.

Колесо Сансары заставляет человека страдать. Причина тому – наши желания и страсти, как со знаком плюс, так и со знаком минус, то есть наши эмоции. Все это приводит к

наработке кармы. И в первую очередь, конечно, негативные эмоции, так как они приводят к наработке отрицательной кармы. Выберем какой-нибудь объект, вызывающий у вас негативные эмоции. Предположим, это будут грязные носки вашего мужа. Осознаем, что именно в объекте вызывает у вас негативную эмоцию. Правильно, запах, источаемый носками. Но почему он, собственно говоря, имеет негативную природу? Да потому что вы, именно вы, даже не ваш муж, придали ему такое значение.

А вот какой-нибудь постельный клоп, например, очень даже любит этот запах. Ощутите Атман клопа, ощутите, что клоп – тоже часть Космоса. Ощутите себя клопом. Теперь запах носков вызывает у вас исключительно позитивные эмоции. Если вы будете сохранять это значение каждый раз, как столкнетесь с грязными носками, они больше не будут вызывать у вас негативных эмоций. Отрицательная карма не сможет прокрасться в вашу душу. Возможно, через несколько перерождений вы достигнете Нирваны. Можете пойти дальше и слиться с Атманом запаха от носков. Все предубеждения оставят вашу душу в покое моментально. Упражнение следует повторять каждый раз, как только вы столкнетесь с негативными эмоциями».

Вернувшись к бумажкам, Соня осознала, что способна приступать к работе, не наработывая при этом отрицательной кармы.

Долго и тщательно пыталась Софья состыковать мелкие

кусочки, случайно обнаруженные в мусорном ведре. Кусочек к кусочку, буква к букве. Приставляла и наклеивала их на лист картона. Когда одна десятая послания была восстановлена, Соня вошла в творческий раж и пробыла в этом состоянии вдохновения до самого вечера. А когда все было готово, выяснилось, что она обнаружила порванное письмо, предназначенное Анатолию. Письмо было написано каллиграфическим, Соня бы даже сказала, вычурным почерком и сюжетом.

«Анатолий! Мой милый герой, сошедший с небес! Ну почему ты никак не хочешь открыть глаза на истину? Я совершенно явственно ощущаю столп твоей могучей силы, способной увести в райские кущи любую женщину, которая только посмела взглянуть на тебя. Но сам-то ты! Сам почему не желаешь сделать хоть один шаг к райским вратам? Ведь объясняли тебе, что унижаешь ты себя, но смело продолжаешь шагать по усыпанной черепами дороге в ад! Я вижу, как дымятся башни! Я вижу эти врата! Они черны и счастья тебе не принесут. Ибо врата эти отмечены знаком прелюбодеятельства! Смерть, смерть тебя там поджидает! Способна ли шпага противостоять черным дырам ада? Нет! Но райские двери всегда примут доблестного воителя и всегда простят. Прочитай же стихотворение, предназначенное специально для тебя!

Встает проклятьем заклеенный!

Туда, где в нежных небесах
Кольцом сиянья будет озаренный,
Тебе пора, мой друг, войти, поднять,
Понять!
Свой грозный вымпел —
Это чудо,
Да, это чудо из чудес
Хулы не будет! Будет худо,
Коль не познаешь наконец
В бездне небес
Свой предначертанный конец!
Всегда твоя... Подпись (неразборчиво) ТЧК

Софью письмо весьма озадачило. Совершенно неясно было, что это такое на самом деле: любовное признание, бред религиозного фанатика или же тщательно закодированное чрезвычайно важное сообщение. Особое недоумение вызывал стих. С одной стороны – ломаный, часто нерифмующийся, с другой – относительно поэтичный. Соня решила, что случайностей не бывает и письмо обязательно поможет в расследовании, как никакая иная улика. Однако в этом всем предстояло разобраться.

* * *

Первым делом Соня показала письмо маме.
– Что ты можешь об этом сказать? – спросила она.

Дочь, конечно, ожидала, что Маргарита Ярополковна сейчас подтвердит ее точку зрения относительно того, что письмо есть закодированное послание. Но та по наивности своей восприняла все совсем по-другому.

– Какая прелесть! – воскликнула она. – Вот он, истинный порыв души! Вот что может на самом деле написать человек в письме, если он любит! Твой отец тоже пишет замечательные письма.

– Надо бы забрать деньги на почте, – заметила Софья.

– Что, уже время пришло?

– Да. Конец месяца.

– Сходишь завтра?

– Вот и я думаю. Но вернемся к письму, мам. Мне кажется, что если воспринимать все буквально, то это, извини уж за расхождения в точках зрения, бред. Причем полный. Эх, вычислить бы, кому может принадлежать эта подпись... – последнюю фразу Соня произнесла мечтательно.

– А ты обратись к Олегу, – посоветовала Маргарита Ярополковна. – У них в милиции наверняка есть специалисты, которые разбирают чужие почерки. Если тебе не подскажут в точности, кому он может принадлежать, то по крайней мере сообщат достаточное количество информации относительно того, какого рода была личность, написавшая это письмо.

Соня кивнула.

– Хороший совет.

– К тому же появится возможность встретиться с Рыба-

ком.

Сыщица смутилась и покраснела.

– Да ладно тебе, мама, меня ведь совсем другие проблемы сейчас беспокоят...

Мать обняла дочку.

– Не пытайся от меня скрыть! – сказала она, и если бы Соня не уткнулась ей в грудь, то наверняка смогла бы наблюдать, как Маргарита Ярополковна грозит пальцем.

– Ладно, мам, позвоню Олегу прямо сейчас.

Рыбак разговаривал с Соней тепло и нежно. На вопрос о человеке, который смог бы разобраться с подписью, ответил, что одна такая личность у них в прокуратуре имелась, но совсем недавно старик отправился на пенсию.

– Ничего страшного, – сказал Олег. – Завтра встретимся, и я отведу тебя к нему.

Глава 6

Олег очень торопился. Соня надеялась, что перед тем, как отправиться к человеку, способному помочь в расследовании, они посидят вдвоем где-нибудь в кафе, быть может, выпьют по бокалу вина. Но, как всегда, у Рыбака оказались срочные дела. Милиция в Заводском районе обнаружила повешенного. Олег сообщил, что труп успел начать разлагаться. Соне стало дурно, и она поспешила прибегнуть к экспресс-медитации.

Эксперт по почеркам оказался благообразным старичком с тщательно ухоженной козлиной бородкой, в кругленьком пенсне. – Здравствуйте, Степан Прохорович, – сказал Олег. – Тут у нас такое дело... Требуется срочно провести экспертизу по почеркам.

– А? – старик приставил ладонь к уху.

– Срочное дело.

– Какое тело?

– Дело!

– Понятно. Какое у вас дело?

– Мы хотим продиагностировать подпись.

– Опись? К чему мне опись? Я ничего такого не натворил!

В милиции я служил честно!

– Да не опись, а подпись!

– Ах, подпись! Вам нужна моя подпись?

– Дай письмо, – сказал Рыбак Соне.

Соня протянула приятелю мятую, до сих пор дурно пахнущую бумагу.

– Вот! Надо определить, кому могла бы принадлежать эта подпись.

– Ну так бы сразу и сказали! А то опись какая-то... Бред!

– Ну, вы тут поговорите, – сказал Олег, – а я – на работу.

Софья укоризненно посмотрела на Рыбака. С ее точки зрения он совершал непростительное предательство.

– Ну все, я побежал! – махнул рукой Олег и выскочил за дверь.

– Ишь ты, опись! – кричал Степан Прохорович. – Пойдемте.

– Присаживайтесь! – сказал бывший эксперт, выдвигая стул, когда Соня прошла в маленькую комнатку с письменным столом, заваленным бумагами.

– Ишь ты, опись!

Соня села и принялась настороженно оглядываться по сторонам. Стены были оклеены бумажками с подписями.

– Что это, автографы? – спросила Соня.

– Где автобусы?

– Я спрашиваю, это подписи известных людей?

– Конечно.

– Вы их долго собирали?

– Нет. Как пришел на работу – получил.

– Это как?

– Так положено.

– А они откуда взяли?

– Из разных источников. Вот это, например, из книги про Сталина.

– Из книги?

– Конечно!

– Так они не настоящие?

– Сколько стоящие?

– Нисколько. Это копии?

– Конечно, копии! А вы думали, настоящие? Ха-ха-ха! Ха-ха-ха!

Соня приумолкла и принялась осматривать стены, оклеенные подписями, дальше.

– Сейчас посмотрим, что тут, – сказал Степан Прохорович, поправляя очки.

– Так-так-так... – бормотал он. – Интересно... Любопытно... А это уж совсем... Надо же! У-у-у! Ух ты! – Соня не подзревала, откуда в нем берется столько позитивных эмоций. Она-то с трудом избавлялась от негативных после контакта с этим письмом. – Ого... – продолжал восхищаться Степан Прохорович. – Ага... Угу...

Так продолжалось достаточно долго. Наконец Степан Прохорович отложил бумагу в сторону.

– Я сделал предварительные выводы, – объявил он.

– И какие же?

– Кто лишний?

– Какие выводы вам удалось сделать?

– Ну, во-первых, судя по завитушкам в письме, личность весьма незаурядная, я бы даже сказал, творческая. О том говорит и содержание стиха. Есть такое направление в современной поэзии – символизм. Так вот, данный документ писал человек, увлекающийся символизмом. Или как там еще называются подобные стихи. Кроме того, могу вам сказать, это женщина. Молодая. Страдающая полнотой. Но полнота у нее не чрезмерная. Наверняка следит за собой, а оттого привлекательная. Несмотря на полноту. Импульсивная. Видите, как вздымаются строчки, видите, как порой подпрыгивают хвостики? Это вам все не просто так.

– А по подписи можно что-нибудь сказать?

– Конечно. Человек писал весьма уверенный в себе, наверняка многого добившийся в жизни. Видите, какая размашистая огромная подпись? Вместе с тем это чрезвычайно чуткая натура, видите, как красиво оформлена подпись, хоть и написана небрежно? Это поэтесса! Точно вам говорю, поэтесса!

– А фамилию ее по подписи никак нельзя установить?

– Можно, но тут требуется помощь паспортного стола. В этом я никак вам помочь не могу. Тут способен помочь только ваш друг, который привел вас сюда.

– А хотя бы предположить, какая у нее фамилия, можно?

– Зачем нужно?

– Я спрашиваю, можно?

– Ах вот вы о чем! Да можно, конечно, отчего же нельзя?

Корень фамилии – слово, похожее на «запах».

Соня догадалась, почему ей все время мерещилось, что пахнет именно от подписи.

– Значит, вы советуете просто обратиться за помощью к Рыбаку.

– А?

Соня повторила фразу.

– Извините, я опять не расслышал. Мне показалось, вы сказали, к рыбаку.

– Именно так я и сказала!

– Искали?

– Именно так я и сказала! – Соня перешла на такой тон, в котором ей приходилось орать во все горло. – Рыбак – такова фамилия моего приятеля, который привел меня сюда!

– Ах вон где собака зарыта! Да, советую.

Соня почесала затылок.

– И как я сразу не догадалась...

– Но проще будет сходить в клуб поэтов, – сказал Степан Прохорович.

– Вы думаете?

– Да. Поэтов ведь на самом деле не так много в городе. Я думаю, они сразу узнают подпись.

– Вы думаете, писал профессиональный поэт?

– Конечно. Много у нас, конечно, любителей, но они

обычно пишут о погоде, о несчастной любви, но никогда – вот такое нагромождение символов.

– Звучит логично, – согласилась Соня. – Пожалуй, так я и сделаю.

– Оседлаете?

– Мне пора идти.

– Не вижу связи...

– До свидания! – Соня поднялась с места.

– Молодая девушка спешит на свидание! – поджав губы, произнес Степан Прохорович. – Эх, молодость, молодость! Ну тогда до свидания!

* * *

– Мама, ты знаешь адрес какого-нибудь поэтического клуба? – задала Соня вопрос Маргарите Ярополковне.

– Я знаю один, неподалеку от Театра оперы и балета. Могу позвонить своей бывшей коллеге, разузнать адрес.

– Ты уж постарайся, мама, пожалуйста.

«Театр оперы и балета! – восхищенно размышляла Соня. – Как давно я не работала в театре! А ведь я на самом деле талантливая актриса, а не какая-то там заштатная актрисулька! И быть частным детективом – не мое призвание!

Я актриса! И почему судьба так со мной обошлась? Совершенно непонятно!»

Соня еще не знала, что ей скажут по этому поводу непо-

далеку от Театра оперы и балета, в милом парке «Дубки». А если бы знала, пришла бы в состояние шока.

Потом она вспомнила, что ей предстоит общаться с поэтами, и подумала, что, если бы у нее был талант к поэзии, она наверняка бы выразила всю свою тоску по театру в стихах.

Соня наглядно представила себе этот стих. Он наверняка мог бы стать шедевром! Наверняка бы мог! Но... Увы. Таланта быть поэтессой ей как раз и не доставало.

Полчаса спустя Софье Невзоровой был известен адрес поэтического клуба.

* * *

«Собрание» поэтов располагалось в небольшом приземистом здании, окруженном березами, действительно неподалеку от Театра оперы и балета.

– Мне надо бы проконсультироваться с каким-нибудь знатоком поэзии, – сообщила Соня гардеробщице.

– Пройдите на второй этаж, найдете Марину Короевскую, она как раз этим занимается.

– Спасибо.

Только поднявшись на второй этаж, Соня сообразила, что представления не имеет, где именно искать Короевскую. А потому она решила попросту заглянуть в первый попавшийся кабинет и спросить. В конце концов, не съедят же ее там!

А в первом попавшемся кабинете Соня застала удивитель-

ную сцену.

– И вы считаете, что это стихи?! – орал на девушку с нарумяненными щеками и серьгами в ушах худой лысый мужик с усами в черном костюме.

– А почему же не стихи? Рифма сходится, размер есть!

Соня приоткрыла дверь, но обратиться к спорившим не решалась. Пришлось ей, таким образом, подслушивать чужой разговор.

– Да вы почитайте, что вы написали! – орал мужик. – Весенняя пора, я так люблю тебя! Играет детвора, домой бы мне пора, но я стою с утра средь твоего двора и жду, как и вчера, что встречу я тебя, и крикну я «ура, как я люблю тебя!». И это только начало стихотворения, а все остальное – в том же духе!

– Ну и что, по-моему, идеальная рифма и размер. Это должно быть напечатано!

– Попробуй выслать на сайт группы «Руки вверх!», или группы «Корни», или хотя бы группы «Дэмо». Быть может, там с радостью купят твой шедевр...

– Это действительно шедевр, я считаю. Моим подружкам очень нравится!

– Что ты от меня-то хочешь?! – продолжал кричать усатый мужик.

– Чтобы вы напечатали мое стихотворение.

– Я не могу его напечатать!!!

– Почему?

– Это невозможно.

– Как же быть?

Тут мужик заметил Соню.

– Вот, тут люди пришли, – сказал он, обрадовавшись, что наконец-то отвяжется от молодой поэтессы. – Проходите, де-вушка!

– Я расскажу про вас моему брату, он поговорит с вами! – угрожающе заявила девица, обиженно надула губки и гордой походкой вышла из кабинета.

– О боже, совсем покоя нет от этих так называемых молодых поэтов, – сказал мужик и вытер пот со лба. – Чем могу быть полезен?

– Мне требуется консультация по поводу одного поэтического произведения.

– Это ваше произведение?

– Нет, одной моей приятельницы, она – начинающий поэт... – начала было Соня и осеклась, так как догадалась, что совершила ошибку.

Настроение мужика с усами в отношении Сони мгновенно переменялось.

– Нет, на сегодня все. У меня полно дел. Консультация молодых авторов – серьезное дело, а мне совершенно не до этого, а потому... Извините, я спешу, обратитесь к Марине Короевской. Она никогда не отказывает во внимании.

– Меня тоже поначалу к ней направили. Я, собственно говоря, хотела спросить, как найти ее кабинет.

– Двести двадцать пятый. Может быть, она сейчас в актовом зале, выступает, читает перед публикой свои стихи.

– Спасибо вам большое.

– Не за что.

Соня размышляла о том, что этот странный мужик, должно быть, сейчас очень счастлив оттого, что его оставили в покое. «Как порой мало человеку для счастья надо!» – с завистью подумала она.

Двести двадцать пятый кабинет оказался закрыт, и Соне пришлось разыскивать актовый зал. Наконец она его нашла. Это была относительно небольшая комната. Слушатели сидели на расставленных вдоль стен стульях. У одной из стен стульев не было. Зато там было нечто вроде сцены, освещенной юпитером. На сцене зачитывал стих какой-то молодой человек.

Соне было очень неудобно отвлекать «болеющих» поэзией людей, но расследование надо было доводить до конца.

– Простите, как мне найти Марину Короевскую? – спросила она у женщины, сидевшей у самой двери.

– Она следующая выступать будет, – последовал ответ.

Выступление Короевской публика встретила шквалом аплодисментов. Поэтесса отличалась стройной фигуркой, красивым лицом и голосом, от которого веяло таким обаянием, что его обладательница сразу располагала к себе. Стихи у этой девушки соответственно внешности отличались особой красочностью и страстью. На Соню она произвела хорошее

впечатление.

Короевская закончила выступать и отошла к слушателям. Сыщица поспешила к ней.

– Извините, – сказала она. – Мне нужна консультация по поводу одного стихотворения.

– С удовольствием! – бодро ответила Короевская. – Только давай сразу договоримся на «ты». Меня зовут Марина.

– Хорошо. Я – Соня.

– Пойдем в кабинет.

Кабинет поэтессы отличался особым уютом. Сразу видно было, что здесь работает женщина.

– Что за стихотворение? – спросила Марина. – Твое?

– Я уж боюсь говорить неправду, – ответила Соня.

– Это почему?

– Когда я сказала, что это стихотворение молодого автора, какой-то мужик из ваших отреагировал на это, мягко говоря, не лучшим образом.

– А как он выглядел?

– Такой худой, лысый, с усами и с серьгами.

– А, Виктор Григорьевич? Он у нас такой! Его эти молодые поэты достали. Дело в том, что он – последняя инстанция у нас, и к нему бегут с последними надеждами. Все отсылают несостоявшихся поэтов к нему. Представляешь себе, какая головная боль у него от споров с ними?

– Да, я слышала отрывок одного из таких шедевров.

– Подобное нам приносят по сотне штук на день.

Соня покачала головой.

– Ну давай, выкладывай, – сказала Марина. – Только правду!

Софья рассказала о своем детективном расследовании, таинственном письме и прочем.

– Ну, давай я взгляну на это стихотворение, – сказала Марина.

Соня протянула ей картонки, на которые были наклеены собранные кусочки письма.

– Да-а... Запашок еще тот, конечно, – сказала Марина.

– Ничего не поделаешь, такова цена за информацию, – философски высказалась Соня.

Марина читала стихотворение и хмурилась.

– Даже не знаю, что сказать, – наконец ответила она. – На профессионального поэта не похоже. Но и на те шедевры, что приносят нам молодые авторы, – тоже. Тут что-то свое. Может быть, все дело в том, что автор увлекается всяческими постмодернистскими течениями?

– Мне бы человека найти, – напомнила Соня, которой не особо хотелось выслушивать лекцию о перипетиях стихотворного искусства.

– Боюсь, тебе следует искать человека не в поэтическом клубе, – наконец сказала Марина.

– А где же?

– Это все очень напоминает творчество таких радикальных поэтов-постмодернистов, как Егор Летов и Яна Дягиле-

ва. Человека тебе надо искать среди любителей подобного творчества, панки там всякие и подобное.

– Просто удивительно!

– А быть может, это бред какого-нибудь наркомана. Тут со знатоком Кастанеды беседовать надо.

– Где же я отыщу всяких там панков или знатоков Кастанеды? – с сомнением спросила Соня.

– А вот как раз тут я могу тебе помочь. В парке «Дубки» собирается по субботам, так сказать, творческая интеллигенция. Они пьют портвейн. Ну и кое-что покрепче, разумеется. Половина из этих людей, правда, что-то вроде панков. На самом деле это не страшно. А в твоём случае даже полезно. На самом деле там собираются хорошие ребята. На кого ни посмотришь – так натуральные сливки общества. Почти все с высшим образованием. Есть, конечно, и студенты. Один – хирург, другой – писатель, третий – биолог, четвертый – психолог. Есть даже двое, которые себя экстрасенсами считают.

– А они и правда экстрасенсы?

– А кто их знает? Они зажигалки ищут. Увлечение у них такое.

– Это как – зажигалки ищут?

– А это так. Кто-нибудь закрывает глаза, а ему зажигалку подкладывают. Надо угадать, где она лежит, увидеть, что называется, в астрале.

– И что, находят?

– Если не напьются – всегда!

- Любопытно.
- Короче, ничего страшного там нет.
- Ну, это как посмотреть...
- Да все в порядке. У меня там как раз один знакомый есть. Могу тебя к ним отвести.
- Ты думаешь, они реально могут мне помочь?
- Я надеюсь. Попытка, в конце концов, не пытка!
- Да уж...
- В таком случае подождешь меня, пока я управлюсь со всеми делами?
- Подожду.
- Ну вот и ладушки...

* * *

Ближе к вечеру Марина освободилась и повела Соню в парк «Дубки».

– А вот и они, голубчики! – сказала поэтесса, указывая на три широкие лавки, расположенные под каштанами. – Тут тебе все объяснят. И про Янку Дягилеву, и про Кастанеду, и про смысл жизни. Все, что угодно! Ты только волю им дай!

Софья с Мариной приблизились. В общем-то, как оказалось, в милом скверике собирались не только панки и знатоки Кастанеды. Были здесь с виду и вполне приличные люди.

– Кто к нам идет! – развел руки в стороны парень с длинными волосами, собранными в хвост.

– Привет, – сказала Марина. – Знакомьтесь, это Соня.

Молодые люди принялись представляться. Вот краткий перечень их прозвищ: Будда, Лис, Воваром, Дядя Дэ и Васдэ, Сушка, Хомячиха, Бэтмэн, Киш, Снайпер, Рой, Растафара. Список далеко не полный.

– Ну присаживайтесь, присаживайтесь, – сказал Снайпер. – Рассказывайте, как поживаете.

– Мы вообще-то ненадолго, – сразу предупредила Марина.

– Ну, как всегда, – сказал дядя Дэ. – Ты, Мариша, как всегда, в своих трипах.

– Нам тут мнение эксперта по творчеству таких, как Янка Дягилева, нужно.

– Да вы присаживайтесь, – повторил Снайпер. – Порт-вейшка, может?

Марина покачала рукой.

– Ну, как хотите!

– Они не будут пить вавилонские напитки! – эмоционально выкрикнул Растафара – маленький якут в очках, с двумя-тремя волосинками на щеках и булавкой в ухе.

– Растафара! – прикрикнул Дядя Дэ.

– Я верю в Джа! – крикнул Растафара.

– Дим, тут стих имеется, – сказала Марина, протягивая Дяде Дэ бумажку.

– погоди, – сказал тот. – Сейчас водку разольем. Куда-то собрались Воваром (рыжая борода) и Будда (психоделиче-

ская татуировка на гладковыбритой голове).

– Что, пос-сать? – спросил Снайпер.

– Угу, – ответил Будда.

– Я с вами.

«Все-таки это оказались панки», – с тоской подумала Соня.

В этот момент к ней обратился Бэтмэн:

– Девушка, а вы работаете или учитесь?

– Работаю.

– А кем?

– Частным детективом.

– А у нас Дядя Дэ как раз детективы пишет. Он и про меня написал.

– Очень приятно.

В этот момент вернулись Воваром с Буддой и со Снайпером.

– А можно узнать ваш телефон? – спросил Бэтмэн, вынимая из кармана мобильный, чтобы записать номер.

– Ну, Ваня пошел-поехал! – сказал Воваром.

– Карму отрабатывает! – приложив руку к губам, прошептал Васдэ.

– Почему это я должна давать вам свой телефон? – спросила Соня.

– Ну просто так, на всякий случай, – замялся Бэтмэн.

– Не надо.

– Ну как хотите.

– Водку будешь? – спросил дядя Дэ у Будды.

– Буд-ду! – ответил Будда.

У Сони начала трещать голова.

– Посмотришь стих? – спросила Марина у Дяди Дэ.

– Давай.

– Хрень какая-то! – вынес он свой диагноз. – Какой м...

к это написал?

– Вот мы и хотели тебя спросить, кто это мог написать?

– А я почему знаю?

– Это мог быть какой-нибудь человек, увлекающийся творчеством таких, как, скажем, Егор Летов или Янка Дягилева?

– Не знаю. Если он и увлекается Янкой или Егором, это больше похоже на пародию, но никак не на истинное искусство.

– Спасибо! Мы пошли.

– Эй, постой, – сказал Дядя Дэ. – Я вдруг вспомнил, к нам же Натали должна подойти, она психолог, она больше сможет рассказать.

– Я уже говорила со специалистом по почеркам, – сказала Соня.

– Так он – по почеркам, а Натали – по содержанию текстов.

– Мне кажется, ты опять тянешь время, чтобы я подольше осталась, – сказала Марина Дяде Дэ.

– Ты права, но выводы мои, как всегда, логические.

– Может, правда, стоит подождать? – спросила Соня.

– Ну подождем, что ж поделать, – вздохнула Марина. – Послушаем веселые беседы.

А разговоры вскоре завязались очень скоро. Растафара спорил с Дядей Дэ. Он утверждал, что водка – это плохо, это изобретение Вавилона, а хорошо – это чистая, ничем не обусловленная радость от зеленой травки и летнего солнышка. Дядя Дэ утверждал, что молодое поколение выбирает водку. Растафару поддерживал Васдэ. Дядю Дэ поддерживал Бэтмэн. Будда уверял, что трава и солнце – это не плохо, но и водка тоже – просто замечательно. А Лис и вовсе объяснял, скорее самому себе, что он не хочет, как все нормальные люди, постепенно развиваться от низшего к высшему, а желает наоборот – сразу наверх, а потом неторопливо рассматривать, что происходит внизу. Потом Снайпер взял в руки гитару и начал орать на весь скверик о том, что все идет по плану.

Спорщики умолкли. Через некоторое время обнаружилось, что Снайпера, кроме Дяди Дэ, никто не слушает. Да и Дядя Дэ прислушивался вполуха и смотрел вполглаза. Вполуха потому, что умудрялся спорить при этом с Воваромом, а вполглаза – потому, что неусыпно следил за круговыми перемещениями бутылки портвейна, а это тоже отвлекало внимание. Воваром пытался доказать Дяде Дэ, что у кавказцев нет мата, а Дядя Дэ с этим не соглашался, утверждал, что сам родом с Кавказа и знает мат как свои пять пальцев. Воваром кричал, не давая собеседнику сказать ни слова. И при этом

просил не кричать Дядю Дэ, утверждая, что тот неспособен выслушать другого. Васдэ, Снайпер и Растафара планировали день грядущий. Они собирались выехать куда-то на электричке отдыхать. Бэтмэн и Киш спорили, возможно ли при помощи навыков ДЭИР изменять проявленную реальность. Кроме того, Бэтмэн постоянно пытался вменить Хомячихе, что она поступает как истинный хомяк. Сушка улыбалась, а Рой пил молча. И пьянели все на глазах.

– А вот и Натали пришла! – сказал Снайпер. – У нас тут к тебе дело. Как к психологу.

«Неужели все скоро закончится?» – не веря в подобное счастье, подумала Соня.

– Ну-ка, что там у вас? – спросил Снайпер.

– Вот! – сказала Софья. – Нам нужно твое мнение как психолога.

– Темно здесь, не видно, – пробормотала Натали, рассматривая лист. – Пахнет от бумаги как-то отвратно, или мне кажется?

– Только кажется, – поспешила утешить ее Соня. «В конце концов, все в мире есть иллюзия...» – додумала она.

Пока Натали изучала письмо, до Сони доносились обрывки разговоров.

– ...А потому нам потребуется три банки сгущенки, – уверял Васдэ. – В конце-то концов, голодными, что ли, там, на природе, сидеть?

– ...Какой же тогда смысл в Мировых Течениях? – вопро-

шал Киш Бэтмэна.

– ...Как въехали по зубам этому придурку!.. – восторженно рассказывал Воваром Рою.

Вернулась Натали.

– Откуда вы взяли этот бред? – спросила она у Сони.

– Я и хочу узнать, откуда он взялся, – отвечала бывшая актриса.

– Так ведь там в каждой строчке либо символ мужского фаллоса, либо символ женского лона! Это же студент-первокурсник углядеть может! Автор этого письма нуждается в помощи психиатра!

У Сони в голове завертелись образы. Светлинский посещает психиатра. Этот психиатр – друг Алины. Убит Анатолий, ее гражданский муж. Но существует ли тут какая-нибудь связь?

– А расшифровать это письмо можно?

– Конечно. Автор письма намекает на то, чтобы адресат выбрал ее, а не кого-то, с кем он находится на данный момент жизни. Пишет в витиеватой, но на самом деле весьма ясной форме. Причем ощущается явная сексуальная озабоченность, заикленность на соответствующих символах. Это Фрейд, дорогие мои!

«Значит, это не Алина, – напряженно размышляла Соня. – Но кто? Может, стоит переговорить с психиатром Владимира? Может, автор письма – один из его пациентов?..»

– Больше ничего сказать не могу, – пожала плечами На-

тали.

В этот момент к Соне обратился Бэтмэн:

– А как получилось, что ты стала работать частным детективом?

– Вынуждена была.

– А по профессии ты кто?

– Я – актриса! – при этом Соня гордо вздернула голову.

– Так что же ты в театре не работаешь? – удивился Снайпер. – По-моему, замечательная профессия.

– Как-то не получается. То одно не так, то другое.

– А с практикой детектива получается?

– Как-то само собой. Как будто везет мне в этом деле. Но я ведь актриса! И это мое истинное призвание!

– Капитализм проклятый! – прорычал Рой. – И хачики всю страну заплонили. А еще насаждение православной веры. Мы ведь язычниками изначально были! Это все так называемая демократия!

– Это все Вавилон! – закричал Растафара. – Да здравствует Джа! Джа-Растафари!

– Нет, это закрытый путь, – высказал свое мнение Бэтмэн.

– В ДЭИРе про такие штуки написано. Мировые течения мешают. Или неистинное желание.

– Неистинное?! – вспыхнула Соня.

– Париться не надо, – улыбнулся Васдэ, – знали бы вы, какой план у нас на завтрашний день! На природу вырвешься, и все путем будет! Главное – не забыть, когда приеду, хими-

ей заняться. Я ведь студент, нельзя забывать об этом.

– А по-моему, все дело в самом человеке, – заговорила своим страстным поэтическим голосом Марина. – Если человек чего-то хочет, он обязательно добьется!

– Есть вещи, которых я очень желаю, но добиться никак не могу, – заметил Дядя Дэ. – И ты знаешь, почему.

– А может, и это в твоих силах? – предположила поэтесса. – Не знаю, конечно, зачем это я тебе говорю...

Дядя Дэ заглянул ей в глаза.

– Марина – святая! – усмехнулся он. – Извините, я ненадолго отлучусь, мне плохо.

Вскоре девушки покидали необычную тусовку.

– И что, вот так здесь каждую субботу? – спросила Соня.

– Каждую. Но в общем-то они неплохие ребята. И все на самом деле могут. Только не хотят.

– Эх, молодость, молодость! – раздался им вслед голос Роя.

Где-то Соня это уже слышала.

Глава 7

И все-таки Софье довелось сыграть роль подружки бандитского авторитета, причем на пару с Рыбаком. Принять данное обличье Соня решила после размышления над проблемой, как наилучшим образом подступиться к психотерапевту Владимира, дабы он согласился открыть тайну клиента.

Светлинский сказал, что Василий Григорьевич (так звали врача-психиатра) в подобных вопросах очень щепетилен и кому попало открывать свои секреты не станет. Врачебная этика, так сказать. Отсюда следовало сделать следующий вывод: нужно сломать Василия Григорьевича морально, припугнуть его. Тогда он, быть может, и поделится полезной информацией.

Софья созвонилась с Олегом, и тот посоветовал ей «пробивать» психиатра на вопрос, есть ли среди его клиентов люди, способные совершить убийство. Кроме того, наши герои назначили друг другу встречу.

* * *

Василий Григорьевич Агафьев работал в частной клинике, занимающейся лечением всевозможных нервных расстройств – от тихого помешательства до импотенции. В целом – ничего особенного. В вестибюле Соню с Рыбаком

встретила секретарша. Надо сказать, Олег выглядел весьма колоритно. Ради такого случая он решился побрить голову налысо и нацепить на шею массивную золотую цепь. Соня отметила, что он несколько переигрывает. Однако секретарша все поняла правильно и не стала перегружать сыщиков идиотскими вопросами на тему «назначена ли вам встреча».

– Разрешите записать ваши фамилии, – робко попыталась она исполнить служебные обязанности.

Рыбак исторг рычание льва.

– Обойдетесь!

– Вы знаете, в какой кабинет пройти? – испуганно спросила секретарша.

– Конечно, – заявил Олег таким тоном, словно являлся хозяином этого заведения.

Рыбак без труда отыскал кабинет Василия Григорьевича и нагло вошел, не соизволив даже хотя бы постучаться. Агафьев оказался мужчиной огромного роста, с жесткими, волевыми чертами лица. Чем-то отдаленно он напомнил Соне Жерара Депардье.

– Здорово! – фамильярно бросил Олег, самовольно выдвигая из-за стола для Сони и для себя стулья.

– Здравствуйте, – неуверенно ответил Василий Григорьевич, внимательно изучая посетителей опытным взглядом психотерапевта.

– Короче, ты должен нам помочь, – начал Рыбак.

– Вам требуется врачебная помощь? – ухмыльнулся Ага-

фьев, и Соня догадалась, что он совершенно их не боится.

– А ты, я вижу, остроумный?

– Вовсе нет! – поспешил заверить доктор. – Просто это единственное, что я могу предположить, когда ко мне обращаются за помощью. Ведь я – психиатр!

– Нет, нам требуется твоя помощь в другом плане. Мы разыскиваем одного из твоих пациентов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.